

Э. А. ГРАНТОВСКИЙ

О РАСПРОСТРАНЕНИИ ИРАНСКИХ ПЛЕМЕН НА ТЕРРИТОРИИ ИРАНА

(История Иранского государства и культуры. – М., 1971)

Период создания Мидийского государства в VII в. до н. э. и державы Ахеменидов в середине VI в. до н. э. являлся непосредственным продолжением и завершением длительной эпохи в истории иранских народов Ирана, начинающейся со времени проникновения на его территорию иранских (ираноязычных) племен. Их расселение по этой территории, занятой ранее племенами и народностями иной этнической и языковой принадлежности, привело к ассимиляции местного населения и консолидации иранского этнического элемента в различных областях страны. С этого времени ираноязычное население становится основным в Иране, и на его основе частично в ту же эпоху и частично позже происходят процессы формирования известных в последующие эпохи западноиранских народов, мидийцев, персов, гилянцев, мазандеранцев, луров, белуджей и т. д. В VII в. до н. э. на базе социально-политического развития ираноязычного населения возникло Мидийское государство и персидское царство во главе с Ахеменидами, которое было подчинено Мидией, а в середине VI в. до н. э. наследовало ей в роли великого государства и превратилось в первую мировую державу.

Основные вопросы, связанные с распространением иранских племен и формированием иранского этноса на территории Ирана в эпоху до VII–VI вв. до н. э., остаются во многом неясными и спорными. Это относится, например, и к подразумеваемому выше, как нам кажется, вполне очевидному в свете данных имеющихся источников тезису о том, что большие и прочные политические объединения, возглавляемые представителями ираноязычного населения, создавались лишь в тех областях, где на значительных территориях иранский этнический и языковой элемент уже получил широкое распространение или стал преобладающим. Этому может быть противопоставлено широко бытующее в литературе мнение, согласно которому политическое господство представителей ираноязычного

населения, напротив, приводило к языковой и культурной иранизации на обширных пространствах. В соответствии с этим этногенез западноиранских народностей часто рассматривается таким образом, что их господствующие социальные группы происходят от ираноязычных иммигрантов, а основная масса или низшие слои населения – от старого местного населения, перенявшего иранский язык как язык правителей, администрации и господствующей религии. Ираноязычные пришельцы при этом характеризуются обычно как кочевые или полуседлые племена либо даже как группы конных воинов с их вождями, постепенно захватывавшими власть в тех или иных районах Ирана.

Другие ученые отрицают теорию политического преобладания иранских (и вообще арийских) иммигрантов над населением стран, в которых они появлялись, а также подчеркивают, что государственные образования возникли в Западном Иране независимо от иранских племен и до их прихода. Одновременно отмечают, что пришлые иранские племена (обычно и в этом случае характеризуемые как кочевые) намного уступали по уровню экономического, социального и культурного развития старому местному населению. Сложение ряда западноиранских племен и народов соответственно сводят прежде всего к распространению среди их предков иранского языка (или также религии и некоторых других культурных особенностей) при сохранении иных основных этнических черт, хозяйственных и бытовых, социальных, культурных и т. д., а также физического облика.

Причины же особой роли и широкого распространения иранского языка в этом случае усматривают главным образом в том, что он стал средством межплеменного общения на обширных территориях, в пределах которых в разных районах появлялись и распространялись кочевые или полуседлые конники – иранцы. Нередко полагают, что росту значения иранских языков во многом способствовало появление в начале VII в. до н. э. ираноязычных скифов, игравших в VII в. до н. э. большую политическую роль в ряде районов Передней Азии и Западного Ирана. Особое же значение в широком распространении иранского языка в различных областях Ирана придается, как правило, созданию Мидийской державы, государственным языком которой уже был иранский.

Охарактеризованные положения основываются на обычном для многих работ последних десятилетий мнении, что до VII в. до н. э. ираноязычный элемент был крайне незначителен среди населения Западного Ирана. А это мнение определяется прежде всего соответствующими выводами из относящихся к территории Ирана ономастических и некоторых других данных ассирийских источников IX–VIII вв. до н. э. По распространенной точке зрения, иранские имена фиксируются первоначально в

Мидии или ее восточных районах с конца IX – середины VIII вв. до н. э. и число их здесь постепенно увеличивается во второй половине VIII в., но к концу его они продолжают количественно намного уступать неиранским именам, к западу же и северо-западу от Мидии, в том числе в Приурмийском районе, иранские имена вообще отсутствуют или, в конце периода и в пограничных с Мидией районах, являются единичными. Согласно же мнению некоторых ученых (Г. Хюзинг, Ф. Кёниг), иранские имена появляются как раз на северо-западе Ирана, уже в IX в., но в очень небольшом числе, а неиранские имена продолжают целиком преобладать в этих районах и позже, так как немногочисленные группы ираноязычных иммигрантов быстро продвинулись с северо-западных окраин Ирана на восток (мидяне) и юг (персы). Но с точки зрения большинства исследователей, опиравшихся на ономастический материал ассирийских текстов, они непосредственно подтверждают положение о продвижении западноиранских племен с востока (Эд. Мейер, Дж. Кэмерон, Х. Ньюберг, Г. А. Меликшвили, И. М. Дьяконов, И. Алиев и др.).

В связи с данными ассирийских источников определяют также и время появления иранских племен в Западном Иране. Согласно упомянутому мнению об их восточном происхождении, ираноязычные группы постепенно продвигались с востока на запад Ирана в IX–VII вв. до н. э. А по Г. Хюзингу и Ф. Кёнигу, они фиксируются на западе Ирана в IX в. до н. э., но в очень незначительном числе, и появились здесь, пройдя через Кавказ, недавно, не ранее конца X – начала IX в. до н. э.

Решение вопроса о путях и времени проникновения иранских племен на территорию Ирана, естественно, зависит также от выводов индоевропеистики и индоиранистики и от той или иной трактовки археологических материалов из Ирана и с территорий, куда помещают предполагаемую родину арийских (индоиранских) и иранских племен. Но как сравнительные историко-лингвистические данные, так и археологические материалы пока не позволяют дать однозначный ответ на этот вопрос, и при их использовании часто опираются на данные по истории Ирана в первых веках I тыс. до н. э. (т. е. опять-таки, прежде всего, на свидетельства ассирийских текстов этого времени). Выше мы кратко изложили некоторые основные мнения о происхождении предков западноиранских племен, их расселении по территории Ирана, взаимоотношении со старым местным населением и характере ранних этапов этногенеза западно-иранских народов. По многим, если не всем основным, упомянутым выше проблемам существуют самые различные, часто прямо противоположные мнения. Причем к ним приходят на основании различных трактовок часто одних и тех же источников.

Большое значение при этом имеют выводы из анализа относящихся к Ирану ономастических данных ассирийских текстов. Эти данные, как указывалось, играют часто определяющую роль при решении вопроса о путях и времени проникновения иранских племен в Иран; составляют основу для суждения о распространении и удельном весе ираноязычного населения в различных областях Западного Ирана в ту эпоху, о взаимоотношении иранских иммигрантов с местным населением и т. д., и тем самым о важных сторонах проблемы этногонеза западноиранских народов, а также о значении этих процессов в возникновении первых государств, созданных западноиранскими народами.

Относящийся к областям распространения иранских племен ономастический материал ассирийских надписей (а также его географическое распределение) подробно рассматривался в ряде предыдущих работ автора настоящей статьи¹. На основании предложенной системы соответствий при передаче иранских имен в аккадских текстах и привлечения всех упоминаемых в известных ассирийских источниках IX–VIII вв. до н. э. личных имен, как предполагаемой иранской принадлежности, так и неиранских², а также ряда топонимических названий из тех же областей к востоку и северо-востоку от Ассирии был сделан вывод о том, что удельный вес иранского языкового элемента в IX–VIII вв. до н. э. в Иране, и в том числе и именно в западных и северо-западных районах, вне пределов собственно Мидии и на ее западной окраине, был намного выше, чем обычно предполагалось; причем ираноязычный элемент фиксируется в этих районах уже с того времени, когда о них впервые появляются данные ассирийских источников.

Для приведенных выводов достаточно и тех выявленных из ассирийских текстов имен (личных, а также топонимов), которые можно считать определенно иранскими. Вместе с тем в число имен предполагаемой иранской принадлежности были включены и такие, относительно которых, судя лишь по их форме в ассирийской передаче, не может быть полной уверенности в их иранском происхождении; их, однако, также необходимо учитывать, тем более при желании установить, оправдано ли мнение о крайне незначительном удельном весе ираноязычного элемента среди населения Западного Ирана в IX–VIII вв. до н. э.

За небольшим исключением различие между именами первой и второй группы состоит в том, что первые – это, как правило, более сложные по грамматическому и фонетическому составу имена, а вторые, большей частью, – «короткие», для которых, исходя из ассирийских передач, наряду с иранским объяснением можно допустить и случайное совпадение с подобными по звуковому составу именами других языков. Но следует

также учитывать, что особенности ассирийских передач могут вообще скрыть от нас иранскую принадлежность ряда имен и вместе с тем древнеиранская лексика и ономастика известны недостаточно и даже многие определенно иранские имена, в том числе из иранских текстов, полностью или частично не этимологизируются. Что же касается коротких имен (ср. Арийа, Аруа, Бара и др.), легко этимологизируемых как иранские и находящихся тогда прямые параллели в иранской и индийской ономастике, то такие имена по меньшей мере не могут рассматриваться как свидетельство в пользу мнения о преобладании старого местного населения над ираноязычным в Западном Иране в IX–VIII вв. до н. э.

Но иранская принадлежность целого ряда тех имен, форма которых в ассирийской передаче не дает возможности для бесспорных выводов, может быть подтверждена дополнительными аргументами, основанными на сведениях о носителе данного имени и местности, к которой оно относится. Вообще в таких случаях специальное изучение реально-исторической и географической стороны вопроса обычно позволяет сделать значительно более существенные заключения из собственно лингвистического анализа ономастических материалов, а также может намного облегчить сам этот анализ.

Очень большое значение имеет географическая локализация местностей, к которым относятся рассматриваемые имена из ассирийских текстов. Часто, правда, приходится иметь в виду не столько конкретное размещение пунктов и областей на современной карте, сколько примерную локализацию и расположение областей по отношению друг к другу. Весьма важно, в частности, уяснить, что в то время представляла собой как географическое понятие Мидия и какие области находились в ее пределах и какие – к западу от нее. При исследовании целого ряда самых различных вопросов ранней истории западноиранских племен необходимо учитывать, что западные границы Мидии, как четко свидетельствуют данные источников³, оставались в основном неизменными (проходя сравнительно недалеко к западу от района Экбатан-Хамадана) на всем протяжении периода, освещенного ассирийскими источниками, с IX в. до н. э. до времени Ашшурбанапала, и что в областях к западу от Мидии было широко распространено ираноязычное население, развитие которого проходило независимо от Мидии и влияний из нее.

Среди относящихся к Ирану ономастических материалов ассирийских надписей важное место принадлежит большим спискам местных правителей, приводимым в источниках под 820, 714 и 713 гг. до н. э. В каждом из этих списков имеется значительное (хотя и различное по мнению тех или иных исследователей) число иранских имен. Анализ соот-

ветствующих данных источников определенно показывает, что владения списка 820 г. находились, вопреки мнению ряда ученых, не в Мидии или у ее границ, а целиком вне и далеко от Мидии, в Приурмийском районе, в том числе в его западной части; список 714 г. содержит имена правителей в большей части из районов к западу (в том числе на значительном расстоянии) от Мидии; владения, лежавшие к западу от нее (также и на значительном расстоянии) есть и в списке 713 г. (оба списка, 714 и 713 гг., обычно определялись как целиком индийские). Также и ряд других часто считающихся индийскими областей и относящихся к ним названий и личных имен (включая определенно иранские) находились на самом деле вне Мидии, между ней и Двуречьем, иногда у восточных окраин последнего⁴.

Такие выводы и независимо от увеличения фонда имен, признанных иранскими, дают основание для пересмотра ряда положений о времени и путях распространения иранских племен по территории Ирана. Но во многих случаях анализ географических и исторических данных имеет непосредственное значение для определения иранской принадлежности соответствующих топонимических названий и личных имен или для уяснения их этимологии (ср., например, ниже об областях Парсуа и Парсамаш/Парсумаш и толковании их названия как 'окраина' – по отношению к Мидии, что не представляется возможным в свете данных о локализации этих и промежуточных областей).

Имена одних и тех же географических единиц или лиц иногда встречаются в ассирийских источниках в разных формах, несводимых к особенностям ассирийских передач, и объясняющихся бытованием вариантов таких названий и имен у различных групп местного или соседнего населения. В некоторых случаях такие варианты позволяют отнести соответствующие имена к явно иранским. Так, на основе сопоставления ряда надписей второй половины VIII в. до н. э. определенно устанавливается, что одна и та же географическая единица (область или местность с центром в одноименном городе) фигурирует в них как Тигракка, Шигракка, Сигрис и, по-видимому, Сигрина. В отдельности каждая из этих форм могла бы быть объяснена как иранская, есть и прямые аналогии к таким названиям в индоиранской и иранской этно- и топонимике. Но, как и в отношении ряда других имен, и особенно топонимов, полной уверенности в иранской принадлежности каждой такой формы, возможно, не было бы. Приведенные же варианты ясно указывают на фонетические и грамматические особенности именно иранских языков и диалектов⁵.

При более определенной локализации иногда удается связать упоминаемые в ассирийских источниках топонимы со средневековыми и со-

временными и на этой основе подтвердить их иранское происхождение, более четко установив их форму, а также значение. Так, название области Патуш'арра у горы Бикни (Демавенд) сопоставляется с Патишхваром раннесредневековых источников – областью к северу от Демавенда; это вполне ясно определяет иранскую форму, переданную в ассирийском как Патуш'арра, и ее значение. Надежная и общепринятая локализация упоминаемых при Саргоне II Таруи и Тармакисы – двух укрепленных поселений, или двойной крепости, в районе Тавриза дает возможность, учитывая и раннесредневековые армянские названия города (Тарвеж, Тавреж и др.), установить развитие форм этих названий и вместе с тем определить их иранскую принадлежность⁶.

Во многих случаях предполагаемая иранская принадлежность личных имен или топонимов становится вероятной или определенной, когда по источникам устанавливается их связь с определенно иранскими именами, например, иных лиц из тех же местностей, самих этих местностей и т. п. Так, для района Аразиаша – «Области Речки» известно пять личных имен; три из них могут быть отнесены к бесспорно иранским и по их ассирийской передаче. Это позволяет считать иранскими и два других – одно, легко объяснимое из иранского, и второе, в случае иранской принадлежности содержащее частый в иранской ономастике элемент *arta*, хотя объяснение имени в целом затруднено и ассирийская передача другой части имени может быть многозначна. Некоторые топонимические названия этой области также могут быть иранскими или, независимо от происхождения, уже бытовать и оформляться в иранской среде. Кроме того, источники сообщают для этой территории топонимические названия, представляющие аккадские образования с Бит- («Дом») и определенно иранским именем во второй части (Бит-Раматуа, Бит-Багайа)⁷.

В ряде подобных случаев (см. также ниже) удастся с достаточной уверенностью отнести к иранским и короткие имена и названия, поддающиеся иранской этимологии, а также более сложные имена, которые, по крайней мере в ассирийской передаче, при иранском объяснении ясны лишь частично. Вместе с тем, как говорилось, ассирийские передачи могут сильно затемнить иранскую принадлежность многих имен и затруднить их иранское объяснение, тем более, что и сама древнеиранская ономастика и лексика остаются во многом неизвестными.

Дальнейшие изыскания, дадут, очевидно, возможность подтвердить предполагаемую иранскую принадлежность ряда известных по ассирийским текстам имен, а также лучше уяснить их значение. Существенную роль при этом должно сыграть и увеличение фонда древних западноиранских имен из эламских, вавилонских и других иноязычных источников. В

качестве примера остановимся лишь на некоторых материалах, содержащихся в книге выдающегося французского ираниста Э. Бенвениста, в которой опубликован список определенных им в качестве иранских имен из эламских персепольских документов «крепостной стены» и даны толкования этих и ряда других известных по иноязычным передачам древних иранских имен⁸. Издание упомянутых эламских документов и изучение содержащихся в них данных, в том числе ономастических, сыграет, безусловно, очень большую роль в исследовании истории и культуры ахеменидского Ирана, а также древних западноиранских диалектов и их лексики. Ономастические материалы этих документов, впервые представляющие столь обширное собрание иранских имен из Западного Ирана ахеменидского времени, имеют важное значение и при анализе известных по ассирийским надписям имен предполагаемого иранского происхождения.

Вместе с тем следует отметить, что имена из ассирийских текстов, в свою очередь, весьма важны при изучении иранской ономастики ахеменидского времени, в том числе сохраненной эламскими документами. В ряде случаев представленные в них имена или их отдельные (и, в частности, редкие в известной иранской ономастике) элементы засвидетельствованы уже материалами ассирийских надписей. Иногда данные последних могут помочь и в установлении значения иранских имен из эламских документов (следует также учитывать, что ассирийские, как и вавилонские, передачи в некоторых отношениях менее двусмысленны, чем эламские). Значительное число важных элементов ахеменидской иранской ономастики, в том числе отражающих социально-политические термины и религиозно-идеологические понятия, встречаются уже в именах ассирийского времени, т. е. на три-четыре века ранее (ср. ниже). Это часто имеет первостепенное значение для культурно-исторических выводов из ономастических данных ахеменидского периода. Отмеченные моменты подчеркивают также преемственность древнеперсидской ахеменидской ономастики и западноиранской ономастики IX–VIII вв. до н. э. (причем, заметим, засвидетельствованной в основном для территорий к западу от Мидии и в то время, когда Мидийского царства еще не существовало).

Обширный ономастический материал из эламских документов Персеполя позволяет более определенно судить о ряде фонетических и грамматических черт западноиранских диалектов первой половины ахеменидской эпохи. Некоторые из них представляют значительный интерес при анализе встречающихся в ассирийских текстах иранских имен и особенностей их аккадских передач⁹.

Так, определенно подтверждается мнение, согласно которому в указанный период в западноиранских диалектах конечные гласные еще все-

гда сохранялись (вопреки иной точке зрения, по которой процесс их утраты в западноиранских говорах и диалектах проходил уже в это время или даже ранее, еще с ассирийской эпохи). Древнеиранские основы на *-a-* (*u* *-ah-*) в именах из персепольских документов, как правило, имеют в эламской передаче окончание *-a*, а основы на *-u-* и *-i-* окончания *-uš* и *-iš*¹⁰. Это вполне соответствует и фактам вавилонских передач иранских имен того же времени, а отдельные исключения как в вавилонских текстах, так и в ассирийских надписях не выходят за рамки вполне объяснимых особенностей аккадских передач. Эти особенности наблюдаются, в частности, не только в конце слова, но и в иных положениях, где они явно не могут иметь отношения к собственно иранскому развитию.

То же следует сказать и о судьбе древнеиранских дифтонгов, которые по мнению ряда авторов монофтонгизировались к эпохе Дария I и Ксеркса или еще ранее. Имена из новых эламских документов подтверждают известный и ранее факт частой передачи иранского *-ai-* эламским *-e-*. Но это, очевидно, лишь особенность иноязычного восприятия и передачи фонетической группы, чуждой для эламского. Причем она могла передаваться в эламском и иначе – через *-a-* (ср. *da-a-ma-* для *daiva-* и др.), откуда также следует, что нельзя говорить о произношении *-e-* (например, *dev* и др.) в иранском. Вместе с тем стяжение обоих дифтонгов, *ai* и *au*, должно было происходить в целом одновременно. Между тем и новые эламские материалы свидетельствуют о сохранении в тех же иранских диалектах дифтонга *au*, передаваемого, как правило, через *au*.

Данные, указывающие на сохранение в древнеперсидских диалектах (и именно в говорах центральных районов Персиды) еще в первой половине V в. до н. э. конечных гласных, а также дифтонгов, снимают один из аргументов в пользу все еще распространенного мнения¹¹ о введении древнеиранской (т. е. древнеперсидской) клинописи задолго до Дария I, или, как часто считают в таких случаях, в Мидии. Согласно этому мнению, орфография ахеменидских надписей уже при Дарий I отражает более древнее, а не современное состояние языка, характеризовавшееся отмиранием флексии и стяжением дифтонгов. Но, как уже говорилось, оба эти процесса еще не получили развития не только при Дарий I, но по крайней мере и через несколько десятилетий после него, а во всяком случае в некоторых западноиранских диалектах и одним-двумя веками позже¹². Что касается возникновения древнеперсидской клинописи, то вряд ли можно сомневаться в том, что она была введена именно при Дарий I. В советской науке это положение было подробно аргументировано М. А. Дандамаевым¹³. Недавно данная проблема была подробно рассмотрена шведским иранистом К. Ниландером, в частности, весьма убедительно

показавшим, что древнеперсидские надписи Кира Великого в Пасаргадах были выбиты уже по приказу Дария I, а при самом Кире написаны тексты лишь на эламском и вавилонском языках¹⁴. Тот же вывод следует из результатов обследования учеными ФРГ текстов на Бехистунской скале, показавшего, что древнеперсидская версия знаменитой надписи была сделана позже эламской и вавилонской¹⁵. Подобные факты, в свою очередь, свидетельствуют о том, что орфография надписей Дария I должна отражать реальное состояние древнеперсидского языка в его время (как еще по крайней мере и при Ксерксе).

Многие иранские имена из эламских документов не являются сложными, представляя простую основу¹⁶ или, чаще, оформленные суффиксом (*-aya*, *-iya*, *-ina*, *aina*, *-ama*, *-aka* и др.). Как нам уже приходилось отмечать¹⁷, многие древнеиранские, как и древнеиндийские и общеарийские, имена не образованы на основе сложного слова, причем это непосредственно относится к именам представителей высшей знати и жречества (в основном и упоминаемых в древних источниках). Уже поэтому наличие многих простых имен в персепольских документах не следует объяснять тем, что в них могут встречаться имена лиц, происходивших из более низших социальных слоев. В ряде случаев те же имена известны и по другим источникам, где они определенно принадлежат представителям высших общественных кругов (некоторые примеры см. ниже). Да и по своему значению ряд простых имен указывает на происхождение их носителей (ср., например, ниже об именах от *xšadra-*, именах, совпадающих с обозначением высших ахеменидских чинов, и др.).

Большой процент не являющихся сложными имен среди общего числа иранских имен из эламских документов, как и другие подобные данные, подтверждает, что и в ассирийских источниках рядом со сложными, бесспорно, иранскими, именами должно быть представлено значительное количество простых иранских имен. Уже поэтому нет никаких оснований исключать возможность иранской принадлежности таких имен, как уже упоминавшиеся *Arua*, *Bāra*, *Arija*, или *Uzi* (может быть естественной ассирийской передачей для засвидетельствованного иранского имени *Uzya-*), *Darī* (см. ниже), *Sua* (было бы закономерно для *Savah-*) и т. д. К тому же они называются рядом с определенно иранскими именами или в их окружении. Еще более определенно можно относить к иранским именам, в которых – при возможности объяснить из иранского имя в целом – выделяются элементы, соответствующие обычным иранским суффиксам (*-na*, *-ka*, и др.; ср. об этом ниже; в то же время, например, суффикс *-ya* не всегда выразительно отражен в аккадских передачах).

Засвидетельствованные эламскими документами простые иранские имена по своему значению могут быть разделены на ряд групп, как, например, имена теофорные или образованные от названий религиозно-идеологических понятий (ср. *Bakeya* < *Bagaya, *Bakena* < *Bagaina, *Irteya*, *Irdaya* < *Rtaya, *Irtena* < *Rtaina, имена от *farnah*- и многие другие; имена *Bagaya, *Artaya, *Mazdaya, *Mazdaina и подобные известны и по античным источникам, причем как принадлежащие представителям высших слоев общества); имена типа социальных терминов (ср. *Šakšiya* < *Xšassiya – *Xšadrya* «кшатрий», по Э. Бенвенисту – «soverain», *Šaturrina* < *Xšadrina со сходным значением, ср. также ниже об именах *Dahima*, *Mariya* и т. д.), имена по обозначению цвета (*Akšena-axšaina* ‘темного цвета’, *Kabauda* и *Kabaudana* – от *kapauta* ‘голубой’, ‘синий’, *Šiyama* – *syāma* ‘черный’, ср. авест. *Sāma*, *Syāmaka*; ср. имя отца одного из знатнейших персов, члена рода Ахеменидов Отаны: *Ouxra* – *Suxra, ср. инд. *Çukra* и пр. ‘красный’ – и другие имена подобного значения из иранских и индийских источников), имена по названиям животных (*Maraza* – *varāza* ‘вебрь’, это слово засвидетельствовано как имя в иранском и индийском – *Varāha* – и часто употреблялось как прозвище представителей иранской аристократии; *Karkašša*, ср. авест. *kahrkāsa* ‘ястреб’¹⁸, *Irtuppiya* для др.-перс. *Rdufiya, *Ardufiya ‘орел’ и другие; последнее имя было известно и ранее, по греческим авторам; по Геродоту, например, его носил один из Ахеменидов, сын брата Дария I).

Такие имена (в том числе упомянутых выше групп) определенно представляют собой образования с самостоятельными значениями, аналогичными тем, которые имели бы слова тех же форм, и не являются сокращениями. Так же, безусловно, следует рассматривать, во всяком случае в основной массе, многочисленные простые имена с формантом *-ka*. Такие имена обычно считаются уменьшительными или сокращенными (от сложных с первой частью, соответствующей основной части данных простых имен). Засвидетельствованные эламскими документами иранские имена с суффиксом *-ka*, как правило, рассматриваются в качестве сокращенных и Э. Бенвенистом.

Но нет никаких оснований усматривать принципиальное различие в образовании таких имен, как *Artaya и *Artaina, *Bagaya и *Bagaina, *Mazdaya и *Mazdaina, *Xšassya, *Xšadrina и *Xšadrta*, *Aršaina и т. д., с одной стороны, и таких имен, как *Artaka и *Artuka, *Baguka, *Mazdaka и *Mazduka, *Xšassaka и *Xšadraka, *Aršaka* и т. д., с другой (все перечисленные имена засвидетельствованы источниками ахеменидского времени; большая их часть известна и по эламским документам или только по ним; некоторые представлены уже в ассирийских текстах). Вообще имена на

-ka должны в основном рассматриваться как соответствующие простые слова с суффиксом *-ka*. В западноиранских языках (древнеперсидском, курдском и др.) он употребляется весьма часто и имеет различные функции (а в уменьшительном значении для древнеперсидского, например, он вообще не засвидетельствован). Наличие же в ряде случаев сложных имен, в первой части соответствующих простым, не должно указывать на то, что последние являются сокращениями, как не являются ими обычные слова на *-ka*, совпадающие, без суффикса, с частью сложного имени (или слова). Необходимость подобного подхода к анализу простых имен на *-ka* целиком подтверждается и новыми материалами эламских текстов¹⁹.

Но и независимо от того, что представляют собой по типу образования имена с суффиксом *-ka*, обилие в новых эламских документах иранских имен на *-aka* и *-uka*, переданных как *-akka*, *-ukka* или много реже *-aka*, *uka*, вполне подтверждает высказанное нами ранее мнение²⁰, что по существу все (весьма многочисленные) известные по текстам Саргона II имена из Западного Ирана, оканчивающиеся в ассирийской передаче на *ukka/ukku* (*-u* — окончание именительного падежа в аккадском) и *-akka/akku*, а также и на *-uka/uku* и *-aka/aku*, являются иранскими (подробнее о некоторых из этих имен см. также ниже). Остается, впрочем, неясным, чем вызвана столь частая передача иран. *-k-* в этом положении через *-kk-*. Вообще говоря, при передаче иранских имен и слов в эламских и аккадских текстах двойное написание согласного обычно не имеет значения и является лишь графическим вариантом; представлялось поэтому вполне вероятным, что и в случае с известными по ассирийским надписям именами на *-ukku*, *akka-* и пр. дело обстоит так же²¹. По мнению большинства авторов, эти имена вообще не являются иранскими (ср. ниже). Э. Герцфельд, считая иранскими имена Дайаукку-Дейока и Арукку (VII в. до н. э., сын Кира I, известный по надписям Ашшурбанапала), допускал здесь иранское произношение с *-kk-*. И. М. Дьяконов, рассматривая те же имена как иран. **Dahyāuka* и **Ar(ya)uka*, полагает, что ассир. *-kk-* вызвано ударением, падавшим в иранском на предшествующий дифтонг *au*. Но лишь некоторые имена с *-kk-* из ассирийских текстов могут, при иранском объяснении, иметь перед *k* дифтонг *au*. В большинстве других его определенно не было (и для Арукку вероятнее **Aryuka*), как и почти во всех иранских именах с *-kk-* из новых эламских документов. Но свидетельствуемое теперь и последними очень частое написание иранских имен с *-kk-* (что встречается и в вавилонских текстах ахеменидского времени²²) заставляет все же задуматься над тем, не отражается ли здесь и какое-то собственно иранское фонетическое явление.

Наряду с многими именами на *-akka* и *-aka* в эламских текстах содержится и значительное число имен на *-ukka* и *-uka*. В некоторых из них суффикс оформляет основу на *-u-* (элам. *Rašnukka*, *Rašnuka*, к *Rašnu-*, и ряд других), но в других – основы на *-a-*. По Э. Бенвенисту, элам. *Bakukka* передает **Bagaka*, сокращение, испытавшее влияние сложных имен с *baku-* (для *baga-*) перед лабильным (ср. *Bakumanya* < **Bagamanya* и др.). Но это объяснение нельзя признать убедительным; восприятие и передача иран. *a* перед лабиальным как *u* была возможна, естественно, лишь в иноязычной среде; **bagaka*, и являясь сокращением, было бы образовано в иранской среде и передавалось бы с *Vaka-*, как и в очень большом числе эламских передач имен, начинающихся с *Baga*-²³. Поэтому элам. *Bakukka* должно передавать **Baguka*, образованное так же, как, например, **Artuka* и **Mazduka*.

Образование того же типа представляет *Parnukka*: **Farnuka* (от *farnah-*), встречающееся в эламских документах наряду с *Parnakka*: *Farnaka*. **Farnuka* засвидетельствовано в иранской лексике осетинским *færnyg* ‘наделенный фарном’, ‘богатый’ (ср. также перс, *farrux* ‘счастливый’ и т. п.) и в ономастике второй частью имен: иберийского царя II в. н. э. *Xše-Farnug* и нартовского героя *Buræ-færnyg*. С *-farnuka* образовано и имя *Ašparnukka*, вариант *Ašpirnukka* (для *-pirn-* вместо более обычного эламского *-parn-* для *-farn-*, ср. *Daddapirna* < **Dātafarnah-* и др.), по Э. Бенвенисту, с усилительной приставкой *aš-*: **aš-farnuka-*. Имя *Puktukka* образовано от *buxta-*, как *Puktamira* < **Buxtavīra*, *Puktena* < **Buxtaina*; приводя эту группу имен, Э. Бенвенист дает для *Puktukka* иран. **Buxtaka*-²⁴, но оно определено передает имя с *-uka* (ср. **Artaina* и **Artuka* и др. см. выше). Элам. *Amukka*²⁵ передает иран. **Amuka*, очевидно, от *ama-* (или, менее вероятно, **Hamuka*, к *hama-*).

Некоторые имена из ассирийских текстов на *-ukku* и *-ak(k)u* уже давно рассматривались как иранские, и именно Дай(а)укку, соответствующее имени основателя Мидийского царства Дейока (при иранском объяснении: **dahyu-ka* или **dahyauka*, ср. др.-перс, *dahyāuš*). Но с 30-х годов большинство исследователей вслед за Ф. Кёнигом стало считать суффикс *-ukku* принадлежащим к старым местным языкам и относить к ним все имена на *-ukku*: Машдай(а)укку, Пайукку и др., а также и на *-akku*: Каракку, Машдакку, Китаку и др. (ср. у Дж. Кэмерона, Х. Нюберга, Г. А. Меликишвили, И. Алиева и др.). Первоначальным основанием для этого мнения послужило как раз имя Дейока – Дай(а)укку и его сравнение с именем *Tajuki* из текстов середины II тыс. до н. э., определенным Э. Шпайзером в качестве хурритского; имена на *-ukku* и *-akku* рассматривались также как «субарейские» (Ф. Кёниг), «кавказские» (Дж. Кэмерон),

«загро-эламские» и т. д.²⁶. В связи с этим также полагали, что основатель Мидийского царства происходил из среды старого местного населения, а его династия, последующие представители которой носили иранские имена, по предположению Х. Ньюберга, вошла в «арийскую» религиозную общину и, тем самым, в состав господствующего ираноязычного класса.

Но по сравнению с именем Тайуки, засвидетельствованным к тому же на много веков ранее и для иных территорий, более близкую аналогию к Дай(а)укку дает иран. **Dahy(ā)uka*, возможность существования которого несомненна (ср. также ниже) и которое закономерно передавалось бы в дошедших ассирийской и греческой формах²⁷. В отношении этого имени существенно также подчеркнуть следующее. Независимо от определения его языковой принадлежности, всегда считали, что Дай(а)укку текстов Саргона II и Дейок античных авторов – одно и то же лицо. Однако, конкретные аргументы в пользу этого мнения оказались несостоятельными, и единственным основанием для него остается совпадение имен. Но, например, лишь по текстам Саргона II известно несколько правителей из разных районов по имени Машдакку (или Машдукку), двое Сатарпану и т.д., по надписям второй половины VIII – первой половины VII вв. до н. э. – по крайней мере три правителя (из разных владений) по имени Раматейа и т. д. Сличение данных из текстов Саргона II доказывает, что Дайуку правил в области, не только не входившей в Мидию, но и отделенной от нее другими областями и «странами». Другие данные об этом правителе и об основателе Мидийского царства также свидетельствуют, что между ними не могло быть никакой (ни реальной, ни эпической) связи²⁸. Данные о династии Дейокидов и имена ее представителей, а также их центра Экбатан (бывших уже и столицей Дейока), вряд ли могут оставлять сомнение в том, что и ее основатель был иранцем и носил иранское имя. Также и Дайуку правил в области, вероятно, с ираноязычным населением; во всяком случае единственный известный для нее топоним – Зирдиакка (по-видимому, центр области) – должен быть иранским (ср. ниже).

Само существование иранских имен с окончанием *-uka* (и, тем более, *-aka*) не могло вызывать сомнений. Некоторые же имена на *-ukku* из ассирийских текстов определенно принадлежат представителям ираноязычного населения (как и имя перса Арукку в VII в. до н. э.). Вместе с тем имена на *-uk(k)u* и *-ak-(k)u* из текстов Саргона II либо и по своей форме должны быть определенно признаны иранскими либо легко объясняются из иранского. Это дало возможность отнести к иранским всю эту группу имен, включая такие, не отмечавшиеся в качестве иранских, как

Пай(а)укку, Дасукку, Каракку, Китаку и др. При объяснении имен Зардукку, Машдай(а)укку и Машдаку, Дасукку и др. было важно уяснить, что окончание *-uka* могут иметь иранские имена, образованные не от основ на *-u*²⁹. Материалы документов «крепостной стены» дают, как мы видели, новые очевидные примеры таких образований, а также указывают на вообще очень широкое распространение в древней западно-иранской ономастике простых имен с суффиксом *-ka*. Кроме того, непосредственно засвидетельствовано несколько известных и по ассирийским текстам имен с этими окончаниями (что еще раз подтверждает иранскую принадлежность этих имен).

Среди них представлено и имя «Дейок», причем в различных эламских написаниях и вариантах (по списку у Э. Бенвениста: *Dāhiwukka Dāhikka, Da'uka, Dāyukka, Dāyauka* и др.). Некоторые из них могут скорее передавать **Dāhyuka*, другие – и *Dāhyauka*; по Э. Бенвенисту, **dahyuuka*, сокращение от сложного слова. Но, как и многие другие имена на *-ka*, в том числе из эламских текстов (ср. выше), **dāhyu-ka* должно, очевидно, представлять самостоятельное слово, как и авестийское *dāhyu-ma*, и иметь, вероятно, примерно то же значение (букв. ‘относящийся к стране’ – ‘руководитель страны’ и т. п.). По данным Авесты, дахьюма исполнял и судебные функции в масштабах «страны» – дахью. Дайукку-Дейок (к *dahyu* – ‘страна’) определенно имя типа титула, как и имена многих правителей, упоминаемых в ассирийских надписях. В рассказе же о возвышении Дейока Геродот сообщает и специально подчеркивает, что Дейок объединял Мидию в качестве «судьи», а также носил это звание и ранее в своем собственном владении³⁰. В связи с этим существенно отметить, что в эламских документах наряду с именем «Дейок» засвидетельствовано в качестве личного имени и *dāhyuma*: элам. *Dahima* (к передаче ср. **dahyuuka* > *Dahikka*).

Еще одно имя, известное ранее по ассирийским, а также греческим, текстам, а теперь и по эламским – «Арбак»: элам. *Harbakka* (*Ha-* для иран. *A-* обычно, ср. *Hatur-* для *atr-*, *Hariya-* для *arya-* и др.). Элемент **Arba-* выделяется также в имени *Harbamišša* (как отмечалось Э. Бенвенистом ранее, а теперь сопоставляется еще с *Dadamišša*, иран. **Dātamissa* или *-misa*). Это **Arba-* и имя *Harbakka* в эламской передаче Э. Бенвенист сопоставляет с Ἀρβάκης, считая их иранскими, но не предлагая этимологии, а также не отмечая ассирийского *Arbaku*³¹. Вместе с тем в работах по истории доахеменидского Ирана имя Арбаку (из списка 713 г.) не относили к числу иранских (ср. у И. М. Дьяконова и др.), либо – вместе с Ἀρβάκης – непосредственно определяли как происходящее из местных доиранских языков (так, указывалось, что оно не этимологизируется на

основе иранской лексики, но может быть связано с именем касситского божества *Harbe*³²). Не приходится, однако, сомневаться в иранской принадлежности этого весьма распространенного в Западном Иране имени. По античным авторам известны два иранца, носившие его в конце V в. до н. э. (кроме того у Ктесия это имя основателя независимой Мидии, но оно, по-видимому, лишь заимствовано данным автором у сатрапа Мидии в его время Арбака). То же имя для VI в. до н. э. представляет, очевидно, Ἄρπαγος «Гарпаг», переделанное в греческой передаче по образу слова ἄρπαγή 'грабеж'³³, ближе к иранскому оригиналу ликийское *Arppaku* «Гарпаг». Эти формы, как и, определенно, греч. Ἀρβάκης элам. *Harbakka* и ассир. *Arbaku*, представляют иран. *Arbaka. Это распространенное имя вместе с **Arba-* (выделяемым в безусловно иранском имени) указывает на существование в древних западноиранских диалектах слов **arba-* и **arbaka-*, которые точно соответствуют др.-инд. *arbha-* и *arbhaka-*, засвидетельствованным с Ригведы (ср. также лат. *orbis* и др.) и имеющим сходный круг значений: «ребенок», «мальчик», «юный» и т. п. Слова в таких значениях нередко становились социальными терминами и титулами а также употреблялись как имена. В числе примеров употребления таких слов в качестве социальных терминов отмечались, в частности, индоиран. и иран. *marya* и *maryaka (др.-перс, *marīka* и др.), первоначально (и этимологически) – «мальчик», «юноша» и т. д.³⁴. Эти формы теперь также засвидетельствованы персепольскими документами как личные имена: элам. *Mariyuu*, *Mariyaka*, *Marikka*.

К происходящим из старых местных языков относили и имя из текстов Саргона II *Karakku*. Но и оно должно быть иранским: *Kāraka, к *kāra-* 'войско', 'народ' (**kāraka-*, по-видимому, также самостоятельное образование, а не сокращение)³⁵. Это подтверждается наличием данного имени (элам. *Karokka*) в персепольских документах, в одном из новых текстов «сокровищницы» (документ 1963: 6, стк. 22³⁶; четыре других имени, называемых в тексте, также определенно иранские), и в документах «крепостной стены» по списку у Э. Бенвениста (имя трактуется как сокращенное от сложного с *kāra-*, ассирийское Каракку не отмечается)³⁷.

Данные об иранской принадлежности имени Каракку еще раз подтверждают, что иранские имена носили все представители рода, правившего в области Уриак(к)у, упоминаемой в четырех текстах Саргона II и лежавшей около границ Мидии в ее западных районах; под 714 г. называется Каракку, затем здесь правил Уппите – он же, очевидно, «сын Каракку из Уриаку» другого текста, а после него Рамат(е)и. Последнее имя (известно для других лиц и в передачах Раматейя, Раматайя и др.) также явно иранское. Таковым поэтому должно быть признано и имя Уппите (сына

Каракку и родича Раматеи), которое легко может быть объяснено из иранского, но в отдельности в своей ассирийской форме не давало бы оснований для надежных выводов. Так же обстоит дело и с именем: Уппис (имя правителя из области Пар(и)така; упоминается при Асархаддоне вместе с двумя другими правителями, имена которых, как и названия их владений, определенно иранские), Уппамма (из списка 713 г., где это имя стоит среди бесспорно иранских имен) и т. д. Название области, где правили Каракку, Уппите и Раматеи, также должно быть признано иранским – **Var(i)-yaka*, оно передается как *Uriaku*, *Uriku* (с упрощением, в ассирийской передаче или с отражением особенности иранского произношения, ср. *marīka* при **mar(i)yaka* и др.) и *Uriakku*, как и в имени, ее правителя Каракку с *-akku* для иран. *-aka*³⁸.

Ассирийскими текстами засвидетельствован и ряд других топонимов на *-akku* и *-ukku*, которые по форме или дополнительным данным могут быть надежно отнесены к иранским. При Асархаддоне упоминается *Partukka*, где правил Занасана (иранское имя) и *Partakka*, вариант *Paritaka* (иран. **Paraitaka* или подобное, ср. название Паретакена) – владение Упписа (третий называемый с ними правитель – Раматейя из Ураказабарны, имя и название иранские). При Саргоне II помимо упоминавшихся названий *Zirdiakka* – из области, где правил Дай(а)укку (иран. **Dahy(a)uka*), и Уриаку, где правителем в 714 г. был Каракку, известно, например, еще владение *Amakku* (возможно, иран. **Amaka*, или подобное, ср. выше об *Amukka*) с правителем Машдаку (иран. **Mazdaka*). По сравнению с текстами Саргона II данные надписей Тиглатпаласара III об Иране гораздо менее обстоятельны. Но и в них удается определенно установить иранскую принадлежность названия упоминавшейся выше местности Шиграк(к)у – Тигракку, известной также при Саргоне II как Сигрис и Тигракка и, по-видимому, Сигрина (для 713 г. до н. э. здесь известен и правитель, с иранским именем). Ассирийские передачи с *š-* и *s-* в этих именах отражают «северо-западные» иранские формы (**Sigraka*, **Sigriš*, **Sigr(a)ina*), а с *t-* «юго-западные» (**Ōigraka* и **Ōigriš*, ср. упоминаемый при Саргоне II Тигриш, – по-видимому, для иной географической единицы); а асир. *-akku* (также *-akki*, *-aki*, *-akka* в разных текстах) и здесь определенно соответствует иранскому суффиксу *-aka*. Это можно рассматривать как дополнительный аргумент для отнесения к иранским единственного личного имени на *-akku* из текстов Тиглатпаласара III: Узакку (возможно от иран. *uz-/auz-* или *vaz*, в обоих случаях с параллелями в индоиранской ономастике). Иран. *-aka* входит также в состав имени *Tunaku* (правитель Парсуа в 744 г. до н. э.; для *tuna-* ср. имя *Bagatuna* из писем времени Саргона II)³⁹.

Материалы для IX в. до н. э. (данных об ассирийских походах на восток в первой половине VIII в. до н. э. не имеется) еще более ограничены. Среди лучше определяемых в качестве иранских, преимущественно «больших», сложных имен можно указать имя Ашпаштатаук (ср. ниже), где *-tauk*, очевидно, для иран. *-tavaka* от *tava(h)*-. Менее ясно имя из Мидии *Hanaširuka* или *Hanaziruka*. Его обычно относили к «кавказским», «загроэламским» и т. п., причем единственный конкретный аргумент состоял в указании на окончание *-uka*, считавшееся неиранским на основании имен VIII в. до н. э. Но и данное имя, очевидно, иранское⁴⁰. Тем более что теперь еще определеннее можно говорить о том, что окончание *-uka* в именах из Ирана в VIII–V вв. до н. э. было характерно как раз для иранских имен (а вторую часть имени, по-видимому, **-jīruka*, к *jīra*- можно сравнить с приводившимися выше именами с **farnuka* во второй части).

Помимо простых имен с суффиксом *-ka*, несколько других коротких имен из ассирийских текстов в случае иранской принадлежности находят прямые соответствия в именах из персепольских документов. Так, *Arija* (713 г. до н. э., правитель Бушту, в IX в. до н. э. входившей в Парсу) совпадает с *Hariya* эламской передачи для *Ar(i)ya* (ср. также **Ar(i)yuka*, *-aka* ассирийской и греческих передач). *Bagaia* (в Бит-Багайа, ср. выше) передает иран. **Bagaya*, известное как имя и ранее по греческим текстам (для VI в. до н. э. и позже)⁴¹, а теперь и по эламским документам (ср. выше).

И в некоторых других образованиях с Бит-, известных по ассирийским текстам, во второй части представлено иранское имя (ср. и в вавилонском: Бит-Багадатти и др.). В то же самое время (716–715 гг. до н. э.), как Бит-Багайа и Бит-Раматуа, упоминается местность (из тех же районов к западу от Мидии) Бит-Умарги. *Umargu* рассматривалось нами как иран. **^hUmarga* («владеющий хорошими лугами»), в качестве параллелей к которому приводились греч. Ἀμορῦνς Ὀμαρῦνς⁴². Но второе из них (соответствующее приведенной иранской форме) лишь рукописный вариант имени одного из лиц, известных в античных источниках под именем «Аморг» – двух ахеменидских полководцев и двух сакских царей (оба, по-видимому, неисторические). А по Р. Шмитту, прежде чем давать указанную этимологию имени «Аморг», следует исключить влияние греческого Ἀμορῦς (название острова) и ἄμειρυν (‘срывать’)⁴³. Тем не менее, «Аморг», очевидно, неточная (обусловленная, по-видимому, указанными причинами) греческая передача для **^hUmarga*, так как один из персидских полководцев этого имени упоминается в ликийской стеле из Ксанфа (конец V в. до н. э.) как *humrkka* и *umrgga*⁴⁴.

Darī (713 г. до н. э., имя правителя индийской области Сапарда) может правильно передавать иранское *Dāraya*- (ср., например, *Darī* в одном

из вавилонских документов для имени Дария, с отражением лишь первой части – *Dāraya-*), представленное в элам. *Dariya* (к передаче ср. также элам. *Dariparna* и вавил. *Dari'parna* для **Dārayafarnah-*)⁴⁵. Имя *Satiria* закономерно передает иран. *Xšadrya-*, чему соответствует упоминавшееся **Xšassiya-* > элам. *Šakšiya*. Иранская принадлежность имени Сатириа подтверждается и тем, что оно названо в списке 820 г. вместе с другим (повидимому, это имена правителей из одного объединения) – *Artasiraru*, определенно иранским, очевидно, **Artasrīra*⁴⁶.

Ряд иранских имен из ассирийских текстов соответствуют социальным терминам или титулам и прозвищам военной знати и правителей; как уже указывалось выше, такой характер имеют и многие имена из персепольских документов. Интересно, в частности, имя *Šatrabama* < *Xšadrapāva, соответствующее форме титула сатрапа в ахеменидских надписях: *xšassapāva(n)-* (элам. *šakšapamana*). Другая форма титула «сатрап» (отражена, в частности, в вавилонском и арамейском) – **xsaδrapana-* соответствует имени двух западноиранских правителей по списку 713 г. *Satarpanu*. Эти имена (со значением: «хранитель власти», или «царства», «осуществляющий защиту царства» и т. п.) показывают, что первоначально этот титул не был связан с существованием больших государств и административным делением.

Одним из наиболее частых, наряду с *ṛta-* «арта» (имена с *arta/ṛta-* известны и по ассирийским текстам IX в. до н. э.), элементов в иранском ономастическом материале эламских документов является *baga-*. Ряд имен от *baga-* засвидетельствован и ассирийскими надписями (все для VIII в. до н. э.), в том числе *Bagparna* < **Bagafarnah-* и *Badgattu* < *Bagadāta; эти имена известны и по иным источникам, включая эламские документы (*Bagaparna*, *Bakadada* и *Bakdada*). Некоторые имена с *baga-* из ассирийских текстов ясно показывают, что уже тогда *baga-* употреблялось (и именно в областях к западу от Мидии), как и в ахеменидских надписях, в общем значении «бог» и могло относиться к различным богам⁴⁷.

Группа имен с *vahu-* ('хороший', 'благой', в том числе в религиозно-моральном смысле) из персепольских документов значительно увеличивает число таких древних западноиранских имен и подтверждает, что в Западном Иране в то время они не были редкими и привнесенными извне (как иногда предполагали, в связи с зороастрийским влиянием). Также уже и ассирийскими текстами фиксируются (во всех трех надежных случаях для районов к западу от Мидии) имена с *vahu-*, в том числе **Vah(u)maniš* (*Mamaniš*, IX в. до н. э.), к *vahu-man-* (для *-maniš* ср. имя Ахемена: *Naхаманиš* и др.), как и элам. *Maumanna* < *Vahumanah-* (само это сочетание намного старше времени Заратуштры)⁴⁸.

Персепольские документы дали целый ряд имен с *š(y)āti*-и *š(y)āta*-; вместе с известными по греческим, вавилонским и арамейским источникам они составляют значительную и важную группу древних западноиранских имен⁴⁹. Это согласуется с тем значением, которое имеет *šyāti*- в надписях Ахеменидов, представляя одно из основных понятий древнеперсидской религии. Это одна из специфических черт последней, не находящих соответствия в Авесте (где нет и таких имен). *Š(y)āti* и *š(y)-āta* в ней не играют роли специального термина, определяют же, как правило, состояние души: радость, блаженство и т. д. А в ахеменидских надписях *šiyāti* ‘процветание’, ‘благоденствие’, ‘изобилие’ и т. п. и *šiyāta* ‘цветущий’, ‘благоденствующий’ и т. д., причем подразумевается прежде всего обеспеченность реальными, материальными благами⁵⁰. В древнеперсидской религии *šyāti* – один из основных объектов творческого акта верховного бога Ахурамазды; в то же время «благоденствие» (общественное и личное) непосредственно зависит от великого царя, поставленного Ахурамаздой и исполняющего его закон, и осуществляется в условиях мира под крепкой властью. Это представление, развитое в ахеменидский период, по происхождению намного старше времени возникновения великих иранских государств и существовало в эпоху родоплеменных объединений. В древнем ономастическом материале *š(y)āti* прослеживается еще в именах из Северного Причерноморья, и особенно в царских (ср. Ῥαδαμσάδης < *Fratamašāti- ‘с наибольшим процветанием’ или ‘обеспечивающий наибольшее процветание’). Оно надежно определяется и в ассирийском. *Pirišāti* (820 г. до н. э., правитель из области к северо-западу от Мидии) < *Pa'rišāti*- (ср. перс. *Piršād* и Παῖρισάδης из Северного Причерноморья) «имеющий (или: дающий – племени, народу) преизобилие».

Выразительно не представленные ранее для ахеменидского времени имена от *rāman*- ‘мир’ пополнились несколькими именами из документов «крепостной стены» (*Ramakara* < *Rāmakara- ‘создающий мир’ и др.). Они подтверждают также, что известное раньше по табличкам «сокровищницы» имя *Rāmašisra* передает именно *Rāmačīdra, как и встречающееся в одном из новых текстов «сокровищницы» (№ 1963 : 8, стк. 5) *Rāmašiša*, в ином диалектном оформлении, *Rāmačīssa (а не *Raivačīdra, -čīssa⁵¹). Для более раннего времени известно элам. *šaššaram-(m)a* (из сузских документов первой – половины VI вв. до н. э.), очевидно, для *xšassarāman-; от *ram*- образовано также имя прадеда Дария I *Ariyāramna* (ср. также *Ramnakka* из новых эламских текстов). На «большое значение понятия *rāman*- в Западном Иране уже в VIII – начале VII вв. до н. э. указывают имена нескольких правителей из разных областей (как западнее Мидии, так и в ее пределах) **Rāmatav(i)yah*- (Раматейа и др.) и, вероятно,

*Rāmatava(h)- (ср. Раматва) ‘могучий миром’, ‘могущественный (для обеспечения) мира’ (ср. примерное значение имени жившего в середине – второй половине VII в. Ариярамны – ‘имеющий ариев в мире’ или ‘создающий мир ариям’). Представление о мире под сильной властью справедливого правителя как об условии благоденствия было характерно как для ахеменидского маздеизма, так и для ранней Авесты⁵². В Гатах «мир» связывается с понятиями «власть», «сила» (правителя) и т. д. и является условием счастливой жизни и процветания. Так, Ясна 53,8 говорит о том, что бог через «хороших правителей» приносит мир (*rāman-*) процветающим (*šyāta-*) поселениям⁶³.

На основании упомянутых данных ассирийских текстов можно говорить о формировании в Западном Иране уже в тот период и этой характерной черты раннего маздеизма, составляющей одну из основ его социально-политического содержания. О распространении же маздеизма на тех же территориях уже в ассирийскую эпоху свидетельствует целый ряд упоминаемых в текстах VIII в. до н. э. имен от *Mazdā-*, происходящих из областей к западу от Мидии и из ее западных районов. По античным источникам для ахеменидского времени также известны западноиранские имена от *Mazdā-*, в том числе и те, которые упоминаются ассирийскими надписями (ср. выше о **Mazdaka* и **Mazdaya-*), имеются они и в вавилонских текстах (**Mazdābigna*, ср. *Bagābigna* Бехистунской надписи)⁵⁴. Поэтому и имя из эламских документов *Masdayasna*, соответствующее авест. *mazdayasna* (но с элам. *-šn-*, точно не определяющим произношение этой группы), не должно указывать на зороастрийское влияние, как и арамейское *mzdyzn* < **mazdayazna* или, по И. Гершевичу, **mazdayažna*⁵⁵ – в любом случае представляющее западноиранскую, отличную от авестийской форму, что также может указывать на самостоятельное развитие культа Мазды в Западном Иране⁵⁶.

В именах из эламских документов представлено и *ahura-*; по Э. Бенвенисту, в *Urakama(?)*, *Urikama* < **Ahurakāma* и в *Urdadda* < **Ahuradāta*. Но *Urdadda* приводится им и под *Umar dad(d)a*, предположительно трактуемом как **Hvardāta*. Последнее, безусловно, правильно; то же имя (указывающее на почитание божества *Hvar-* ‘Солнце’) засвидетельствовано и вавилонскими текстами как *Umar dātu* и *Hurdātu* (определенно для одного лица) и *Humardātu*⁵⁷. *Ur-* в *Urdadda* может передавать как *Hvar*, так и *Ahura-* (ср. вавил. *uru-* и *ahur-* для *Ahura-*). Что касается **Ahurakāma*, то передача *uri-* и *ura-* для *ahura-* вполне закономерна (ср. и вавил. *uri-* и *ura* для *Ahura-*), а все имя может быть сопоставлено с *Bakankama* (из тех же документов) < **Bagam-kāma* (Э. Бенвенист) и известным по греческой передаче **Artakāma*. Вместе с тем по иному поводу Э. Бенвенист замеча-

ет, что имя Ахурамазды в ономастике никогда не сокращалось до *Ahura-* и в связи с этим, а также начальным О (а не Ω) считает маловероятным, что имена Οροβάζης и Οροφέρνης образованы от *Ahura-*; к этому мнению присоединяется и В. И. Абаев, полагая, что здесь может отражаться *varu-*, *arva-* и др.⁵⁸. Но Оро- (ср. вавил. игу- и раннее греч. Ωρο- в имени Ахурамазды) все же может соответствовать др.-иран. *Ahura-* в указанных именах – к ним можно добавить еще Οροβάτης, – засвидетельствованных для самого конца ахеменидского и послеахеменидского времени, когда греч. О- соответствует не только др.-иран. *ahu-*, но и *vahu-* (для чего ранее обычно также писалось Ω-). Приведенные имена упоминаются (в более поздних источниках): «Ороферн» – впервые под 353 г. до н. э., «Оробат» – под 331 г. до н. э., а «Оробаз» – в парфянской время. Следует также учитывать, что другие имена с *bazu-* ‘рука’ (как и в имени Оробаза), известные с раннеахеменидского времени, как правило, являются теофорными как и имена с перс. **badu-* ‘рука’ из эламских документов: с Арта-, Бага- и т. д.⁵⁹. Точно так же обстоит дело и с параллелями к имени Оробата. Поэтому все эти имена можно возводить к древнеиранским образованиям с *ahura-*. Для раннеахеменидского времени на их существование должно указывать *Oropastes*, по Юстину, имя брата Гауматы (*Cometes*, вероятно, также с *o* для греч. ω, но в любом случае *o* в этих именах соответствует др.-иран. *au*, *ahu*). *Oropastes* определенно восходит к **Ahura + upastā* (‘помощь’ человеку со стороны бога, ср. *A^huramazdā upastām abara* и имя **Midraupastā* – по греческим передачам). Наконец, для ассирийского времени засвидетельствовано имя *Auriparna* (из списка 713 г.) – определенно иран. **Ahurafarnah*⁶⁰. Приведенные имена с *Ahura-* также подчеркивают преемственность западноиранской ономастики с ассирийского времени до конца ахеменидского периода (а имя Ороферн, если восходит к имени с *ahura-*, непосредственно соответствует имени Аурипарну из ассирийского текста).

Имя *Irdabaya* из эламских документов предположительно объясняется Э. Бенвенистом как **rta-pāya* и сравнивается с ведическим *-pāyu-* «protection»⁶¹. Оно подтверждает, что имя сына Артаксеркса I, Βαυαλαῖος, не является сокращением (как предполагали, от **Bagapāta*) и передает **Baga-pāya*, или *-pāyu*, с самостоятельным словом во второй части, от которого образовано имя двух правителей (из местностей к западу от Мидии, список 714 г.) *Paḷ(a)ukku*, иран. **Pāy(a)uka* (ср. также авест. *pāyu-* ‘хранитель’, ‘покровитель’ и т. д.)⁶².

Для *Ašbašda* эламской передачи Э. Бенвенист предлагает либо **aspastā* ‘стоящий на лошади’ либо **aspāsta* ‘имеющий кости (или: ширину в плечах) лошади’, к *ast(a)* – ‘кости’, ‘костяк’, ‘тело’. В. И. Абаев с

основанием отвергает первое толкование, но считает неоправданным и второе – «имеющий лошадиные кости», как не находящее близких аналогий; сам он предлагает **aspāšta* (с инверсией) – «восьмиконный»⁶³. Можно еще указать на имя *Aspastes* (сатрап Кармании при Дарий III), – безусловно, то же, что *Ašbašda*. в эламском. *Aspastes* в связи с ассир. *Ašpaštatauk* (из списка 820 г.) уже ранее рассматривалось автором настоящей статьи как ‘имеющий тело (мощное как у) лошади’, с указанием на авест. *asti.aojah-* ‘телесная сила’, *Ayō.asti-* ‘с костями (крепкими) как металл’ (Э. Бенвенист дает еще *Vohvasti-* ‘с хорошими костями’) и на многие другие имена, обозначающие мощное телосложение (часто по названию какой-либо части тела), с одной стороны, и на имена и прозвища типа «имеющий силу лошади», «равный лошади (в силе и пр.)» и т. д., с другой, а также на скифское *Παρσλάναχος*, четко объясненное именно В. И. Абаевым как «имеющий бока (крепкие как) доски»⁶⁴. Теперь можно еще отметить имя **Aspa-supti-* (элам. *Ašpašuptiš*) ‘имеющий плечи (как у) лошади’⁶⁵. В ассир. *Ašpaštatauk* помимо первой части выделяется *-tauk* < **tavaka* ‘сила’, ‘мощь’, или ‘сильный’, ‘могучий’, что плохо сочетается со значениями «стоящий на лошади» или «восьмиконный» (кроме того оба ассир. *š*, очевидно, для *s*) и, напротив, вполне согласуется со значением «имеющий кости, или тело (как у) лошади». Все имя Ашпаштатаук должно значить: «мощнотелый», «имеющий мощь лошадиного тела»⁶⁶. С объяснением имени *Ašbašda* от *ast(a)-, asti-* лучше согласуются и имена из тех же эламских документов *Ašpaštiya* < **Aspāštiya* и *Aššaštiya* (то же, но с перс. *s=sp*). В любом случае имя Ашпаштатаук (820 г. до н. э.) отражает то же представление, что и эти имена и имя *Aspastes*, засвидетельствованное для самого конца ахеменидского периода.

Имя *Ištibara* из персепольских документов Э. Бенвенист предположительно объясняет как **išti-bara* ‘приносящий процветание’, к **išti-* ‘имущество’, ‘богатство’. Но это толкование нельзя признать удачным, Вместе с тем имеются все основания видеть здесь диалектное соответствие к *arštibara-* ‘копьеносец’ (к *ršti-* ‘копье’) древнеперсидского надписей и названию должности из вавилонских документов второй половины V в. до н. э. *aštebar(r)u* (**aštibara-*, ср. имя *Ἀστιβάρης* у Ктесия). Элам. *išti-* тогда может быть сопоставлено с перс. *xišt* ‘копье’ (с добавочным *x-*, ср. *xirs* ‘медведь’, др.-иран. *rša, arša-*; *xišm* ‘гнев’ < *aišma-* и др.), вавил. *ašti-* и греч. *ἄστι-* (с рефлексом *r* как *a*, ср. постоянное в ахеменидском вавилонском и обычное в греческом *ar* для иран. *r*) с армянским *ašteay* ‘копье’ (из иранского), др.-перс. *aršti* со ср.-перс. *aršt*. В вавил. *ašte-*, греч. *ἄστι-* и в элам. *išti-* должно быть отражено развитие *ršt* > *št* или *rš* > *aš* (ср. *r* > *ar* перед другими согласными кроме *š*) либо *iš* (и *uš* после лабиальных, ср. *r*

> *ir, ur* перед другими согласными). Но нужно подтвердить, что подобное диалектное развитие уже могло быть отражено в документах «крепостной стены».

Эти диалектные особенности рассматривались нами в связи с именами *Ištesuku u Išteliku* (из списка 713 г.). Второе из-за его *l* обычно относят к неиранским (но, по Эд. Мейеру, это то же имя, что «Астиаг»). Первое же имя легко разъясняется из иранского (ср., например, у И. Маркварта). В аккадской, доахеменидской вавилонской, передаче с *Išt-* начинается также имя Астиага: *Ištumegu*, при Аст- греческих передач (у Геродота и Ктесия). Среди толкований имени Астиага правильным оказалось предложенное И. Марквартом и Э. Герцфельдом **Ršti-vaiga*, что подтвердилось наличием того же имени в документах «сокровищницы»: *Irištimanka* (с эламским знаком *-man-* для *-vai-*), где отражено еще *ṣšti-*. Поэтому обычная в вавилонских текстах форма имени Астиага (правил с 585/584 г. до н. э.) должна указывать на развитие *ṣšt > išt* в части западноиранских диалектов уже к началу VI в. до н. э.⁶⁷

Это непосредственно подтверждается тем фактом, что в документах «крепостной стены» то же имя встречается как в форме *Irištimanka*, так и в форме *Ištimanka*⁶⁸, без *r*; *išti-* здесь определенно соответствует *ršti*, чем доказывается и соответствие представленного в тех же текстах *Ištibara* (следовательно, то же имя, что «Астибар») – *arstibara*. Это позволяет вернуться к именам Иштесуку и Иштелику. Элемент *ište-*, выделяемый из их сравнения, может непосредственно соответствовать первой части хронологически близкого вавилонского доахеменидского *Ištu-megu* (с *u* передачи перед *m < v*) и ахеменидского *ašte-baru* (об *a* в *ašte-* см. выше) и эламских *Isti-bara* и *Išti-manka*. Имя Иштесуку стоит в списке между определенно иранскими именами (Машдаку, Уарзан, Ашпабара и др.), как и Иштелику, которое к тому же принадлежало одному из двух правителей из одной местности, а имя другого, Аурипарну, бесспорно иранское (ср. выше). Поэтому и имя Иштелику следует, по-видимому, причислить к иранским; его первая часть тогда соответствует др.-иран. *ršti-*, а вторая остается скрытой в ассирийской передаче или также в связи с отражением какого-то неизвестного древнеиранского слова. Можно еще заметить, что некоторые западноиранские диалекты и в древний период сохраняли *l* и что в определенных, хотя и редких, случаях *l* является результатом аккадской передачи иранских имен⁶⁹.

Приведенные данные также подчеркивают, что в эламских документах отражаются диалектные различия (находящие соответствие и в современных языках и диалектах), которые развивались в западноиранском задолго до ахеменидского периода. Новые данные персепольских доку-

ментов представляют материалы и для суждения по одному из основных вопросов иранской диалектологии – о соотношении так называемых северо-западных и юго-западных форм и о «индийских заимствованиях» в персидском. Так, очень частое употребление в именах из этих документов наряду с «югозападными» формами «северозападных» вполне соответствует положению, что и те и другие были одинаково персидскими в реально историческом смысле, присущими различным диалектам и говорам самих древнеперсидских племен (причем еще с доахеменидского периода)⁷⁰. Эламские передачи послужили некоторыми опорными пунктами и для выводов И. Гершевича в его очень важной статье о диалектных различиях в древнеперсидском, преимущественно основанной, однако, на анализе собственно иранских материалов по данным древних текстов и новых иранских языков и диалектов. Эти материалы непосредственно доказывают, что такие черты, как *s* и *z*, *θr*, *θy*, соответствующие «чисто персидским» *θ* и *d*, *ss*, *šy*, были свойственны самому персидскому и не должны считаться привнесенными в него извне⁷¹. Однако, не все окончательные выводы И. Гершевича представляются одинаково убедительными.

Различие *s* – *θ* и *z* – *d* И. Гершевич считает внутрдиалектным, не отражающим разные пути развития индоевропейских палатальных, а возникшим много позже с появлением тенденции к произношению *s* как *θ* и *z* как *δ*, которая была реализована в одних словах, но могла не затронуть другие (либо затронула их лишь в некоторых персидских говорах и диалектах). Примерно так же трактуется и происхождение различия *θr* – *ss*. При этом, по И. Гершевичу, изменения *s* в *θ* и *z* в *δ* еще осуществлялись около 520 г. до н. э. или незадолго перед этим, а так как развитие *θr* > *ss* следовало за *s* > *θ*, то и оно должна быть отнесено примерно к тому же времени. Исходя из фактов, отмечавшихся Г. Моргенштерне и В. Хеннингом, и в связи с выводами И. Гершевича О. Семереньи также считает, что вариации *θ/s* и *δ/d/z* в древнеперсидском является внутри-, а не междиалектной и возникшей в поздний период, и ставит вопрос о причинах этого явления. Он объясняет его влиянием арамейских диалектов, в которых отмечает сходное (но отнюдь не идентичное) явление⁷². Но единственный конкретный аргумент относительно указанной хронологии этих изменений, основывающийся на эламском *kandabara* для др.-перс. **gandabara* (при более обычном элам. *kanzabara* для **ganza-*), явно недостаточен для такого заключения, а также допускает различные толкования. Вместе с тем можно, например, заметить, что не только развитие *θr* > *ss*, но и *θy* > *šy*, как следует и из материалов И. Гершевича, происходило после изменения *s* > *θ*. Но это *šy* и *ss* уже были обычны для древнеперсид-

ских диалектов к 520 г. до н. э. Более того, *ss*, по-видимому, фиксируется уже сузскими документами на несколько десятилетий ранее (ср. выше об элам. *šaššarama*).

Уже поэтому *θ* и *d*, соответствующие *s* и *z* других диалектов, должны были существовать в некоторых западноиранских диалектах, по-видимому, уже в VIII–VII вв. до н. э. (или и ранее). Это подтверждается данными ассирийских текстов. Правда, в иранской принадлежности отдельных имен, в которых при иранском объяснении можно определить «чисто персидские» черты, нет полной уверенности. Но для упомянутого выше топонима Тигракка – Шигракка (также Сигрис и пр.) в этом, очевидно, не может быть сомнения (а соответствие этих названий бесспорно устанавливается по реально историческим данным). Этот факт свидетельствует о вариации *θ/s* в западноиранских диалектах уже по крайней мере к середине VIII в. до н. э. По данным 719–714 гг. до н. э. фиксируется название Дурдукка, очевидно, для иран. **D̥rduka* и для той же географической единицы Зирдиакка (ср. выше) для иран. **Z̥rd(y)aka*. Подобные факты достаточны для опровержения мнения о влиянии арамейских диалектов на древнеперсидский как причины данного явления. Далее, слова и имена с *d* и *θ* (позже *t*), соответствующими *z* и *s*, как известно, засвидетельствованы и далеко на севере, за пределами Ирана, причем по крайней мере в ряде случаев это определено не может быть объяснено поздними заимствованиями из персидского⁷³.

Таким образом, независимо от того, как объяснять возникновение этих *θ* и *d*, – изменением из *s* и *z* или различными путями развития индоевропейских палатальных, – следует признать, что *θ* и *d*, соответствующие *s* и *z*, существовали в определенных западноиранских диалектах задолго до ахеменидской эпохи. Но все же, как нам кажется, в основе этой «вариации», хотя бы первоначально, лежало именно различное отражение индоевропейских палатальных (ср. систему соответствующих фактов в целом). Наличие же в самом персидском диалектов и говоров, носители которых при переселениях и еще более в исторический период смешивались между собой и в которых по-разному произносились одни и те же слова, могло способствовать замене *s* и *z* на *θ* и *d* также в словах, где для этого нет этимологических оснований (но в целом такие примеры все же весьма редки). В этом случае нет и необходимости ссылаться на арамейское влияние; соответствующие побудительные причины (для «неэтимологических» *θ* и *d*) имелись в самом персидском.

Из особенностей, которые все же могут свидетельствовать о заимствованиях из мидийского, И. Гершевич оставляет лишь (из фиксируемых древнеперсидским надписей) *sp* вместо «персидского» *s* и *f* в *farnah*-. Но

как локализация современных диалектов с $f < hv$, так и материалы о распространении слова *farnah-* (в том числе в областях к западу от Мидии в ассирийский период) свидетельствуют, что это слово не может рассматриваться как заимствованное из Мидии⁷⁴.

Что же касается слов со *sp*, то к их бытованию в персидском целиком относится все то, что можно сказать в отношении слов с «неперсидскими» *s*, *z*, *θr*, *θy*; формы со *sp* также широко отражены в средне- и новоперсидском, свободно употребляются в древнеперсидских текстах и легко варьируют с «чисто персидскими» формами (как и при отражении в эламских документах), к ним относятся слова самых обыденных значений (как наречие *vispadā*) и т. д. И технические выражения с *vispa*, как с параллельным *visa*, должны быть признаны свойственными персидскому, а по происхождению они старше индийской державы, как и многие другие выражения, термины и понятия, в которых видят результат мидийского влияния⁷⁵. Нельзя относить к индийским заимствованиям и *aspa-* ‘лошадь’ (тем более, при *asa-* в древнеперсидских текстах), хорошо представленное и в именах из районов к западу от Мидии задолго до индийской эпохи, а в именах из эламских документов встречающееся даже чаще, чем *asa-*. Принципиально важным представляется имя Μάσπιοι, одного из трех персидских племен, составивших с пасаргадами и марафиями основу объединения во главе с Ахеменидами. В этом имени *-sp-* определенно не «чисто персидское». Убедительная этимология была недавно дана Г. Гумбахом: к **mat̄ · aspa-* (и для марафиев: к авест. *mat̄.raθa* с *raθa-* ‘колесница’, как и *Μαραθοί* известного рассказа у Хареса Митиленского)⁷⁶ – «с лошадьми», «снабженный (обладающий) лошадьми», с закономерным перс. *ta-* вместо *mat̄-*. По этим и ряду других оснований и формы со *sp* должны быть признаны персидскими в реально историческом смысле, издревле «своими» для определенных персидских диалектов (отражение же в древнеперсидском надписей норм различных персидских диалектов следует и из выводов И. Гершевича относительно *θy* и *šy*).

Но и независимо от конкретного объяснения соответствующих фактов, теперь можно еще более определенно утверждать, что *s* (соответствующее *θ*) было свойственно и собственно персидским диалектам, а также что этнонимы персидских племен, как и само название *Pārsa* ‘персидский’, ‘перс’, ‘Персия’ (Фарс), могли быть образованы от «северо-западных» форм. Это снимает одно из возражений⁷⁷ против определения в качестве этнического самоназвания иран. **Parsava*, переданного в асир. *Parsua(š)*, *Parsamaš*, *Parsumaš*, а также в урартском *Paršua* (*š* для *s*). По источникам IX–VII вв. до н. э. известны три области с этим названием: одна у юго-восточного побережья оз. Урмия, другая восточнее области

Сулеймание до района Санендеджа, и третья на юго-западе Ирана у границ Элама. Этнические названия от того же корня и той же формы известны позже и на иных территориях – в Юго-Западном Прикаспии и в Афганистане.

Другое возражение против трактовки **Parsava* как племенного самоназвания состоит в том, что все топонимы и этнонимы от *pars(u)*- относятся к окраинам Иранского нагорья и первоначально означали ‘бок’ – ‘край’, ‘окраина’; в связи с этим также утверждается, что не обязательно наличие в областях такого имени ираноязычного населения⁷⁸. Но, например, парсии Птолемея и их города Парсиа и Парсиана находились в области, со всех сторон окруженной иранскими племенами и странами (к северо-востоку лежала Бактрия и т. д.). Территории стран по имени Парсава, известных в IX–VII вв. до н. э., лишь при взгляде на современную политическую карту могут быть в известной степени охарактеризованы как «окраины». Поэтому трактовка их названия (как и имени парсиев Прикаспия и Парфии) как «окраина» могла бы иметь смысл, если за «центр» принимать Мидию, как и предполагалось при выработке данного положения. Но при этом толковании был бы неизбежен вывод, что еще до первых упоминаний в IX в. до н. э. упомянутых стран ираноязычное население целиком преобладало в Мидии и на всех территориях от нее до районов у оз. Урмия, Санендеджа и границ Элама. Но такой вывод был бы явно неоправдан. Каждая из трех названных местностей находилась на большом расстоянии от Мидии и была отделена от нее другими областями и странами, в том числе такими, где ведущую роль играло старое местное население и в то время, когда ассирийцам и урартам уже были известны названия областей Парсава⁷⁹. К тому же ассирийцы (как и урарты) шли к ним с запада и могли использовать лишь географическую номенклатуру, принятую у населения самих областей Парсава или территорий между ними и Ассирией (и Урарту). Поэтому названия этих областей (безусловно иранские) должны происходить из языка их населения или, в крайнем случае, непосредственно примыкающих к ним районов (но не из индийского).

Древние арийские личные имена типа *Parśu* и пр. показывают, что по своему происхождению соответствующие образования не могли иметь значение «край», «окраина». И другие иранские и индийские параллели к **Parsu*, **Parsava*, *Pārśa* свидетельствуют, что такие слова относились к людям и племенам (а не к территориям). Эти данные позволяют также объяснять эти имена как «(широко)грудый», «человек крепкого телосложения», «богатырь», «могучий воин»⁸⁰. Но и независимо от конкретного толкования **Parsava* должно относиться к племени, населению областей, так именовавшихся.

Данные нескольких писем ассирийской царской корреспонденции о Парсамаш/Парсумаш на границах Элама ясно показывают, что это название народа, племени. Причем это именно персы. По надписям Ашшур-банапала, около 640 г. до н. э. царем (*šarru*) Парсумаш был Кир (*Kuraš*), т. е. Кир I, дед Кира Великого (по ахеменидской традиции Кир I носил титул «великий царь», как уже и его отец Чишпиш, ср. вавилонский «цилиндр Кира», стк. 20–21). Следует подчеркнуть, что персы тогда еще не зависели от Мидии, которой были подчинены лишь между 635–625 гг. до н. э., а ранее находились в сфере влияния тогда еще могущественного Элама, после же его разгрома Ассирией Кир I признал ее сюзеренитет.

Таким образом этноним *Parsava на юго-западе Ирана принадлежал именно персам. Уже это позволяет предположить, что и области того же имени в более северных районах получили название от племен той же группы. Для этих районов (ср. выше) некоторыми примерами из ассирийских текстов надежно фиксируются черты «чисто персидского» произношения (с «северо-западными» вариантами). Персидские племена известны на северо-западе Ирана и в VI–V вв. до н. э., а по-видимому и позже⁸¹. Поэтому все известные в источниках IX–VII вв. до н. э. области с названием Парсава могут быть связаны именно с племенами персидской группы и указывать на расселение персов на территории Ирана по областям к западу от Мидии (с севера на юг, учитывая общее направление иранской миграции).

Но в любом случае данные об областях этого имени свидетельствуют о наличии в соответствующих районах ираноязычного населения, причем появившегося там значительно ранее того времени, когда становятся известны эти имена, так как они должны были уже стать принятыми у местного населения и у жителей соседних областей названиями этих стран. Все три области Парсава упоминаются источниками с середины – второй половины IX в. до н. э. (впервые – в 843 г. до н. э.), причем появляются в них с момента проникновения ассирийцев и урартов на соответствующие территории и, безусловно, существовали там значительно ранее. Поэтому иранские племена, из языка которых происходит данное название, должны были проникнуть в эти районы не позже X в. до н. э. И иные относящиеся к Ирану материалы ассирийских текстов IX в. до н. э. (весьма немногочисленные для этого времени) свидетельствуют о широком распространении ираноязычного населения в ряде западных областей Ирана, в том числе в Приурмийском районе (ср. список 820 г.), у верхнего течения р. Малый Заб (ср. бесспорно иранское имя Артасари, 828 г. до н. э.) и т. д. Отдельные данные первой половины IX в. до н. э., по-видимому, позволяют говорить о проникновении уже к тому времени ираноязычного населения и на территории, лежащие еще далее к западу⁸².

Вместе с тем к востоку от таких областей, где уже в IX в. до н. э. определенно фиксируется ираноязычное население, как районы у оз. Урмия, между областью Сулеймание и Санендеджем и др., в то же время (а частично и в VIII в.) засвидетельствовано присутствие старого местного населения, причем политически преобладающего в ряде районов. Вместе с некоторыми другими материалами ассирийских текстов подобные данные позволяют рассматривать сведения клинописных источников IX–VIII вв. до н. э. как свидетельствующие скорее в пользу теории о продвижении западноиранских племен с севера, через Кавказ. Но доказанным это положение в свете материалов данной группы источников считаться не может⁸³. Следует только подчеркнуть, что, во-первых, данные ассирийских источников, вопреки распространенному мнению, никак не могут указывать на постепенное продвижение иранских племен по территории Ирана с востока на запад в IX–VIII вв. до н. э. и, во-вторых, именно по этим данным на западных окраинах Ирана иранские племена должны были находиться уже в X – нач. IX в. до н. э. Судя же по имеющимся материалам предшествующих эпох, на территориях, непосредственно примыкающих к Ассирии с северо-востока, и в областях Загра к востоку от Двуречья ираноязычного населения в XII–нач. XI вв. до н. э. еще не было. Его проникновение в эти районы должно было, таким образом, происходить в XI–X вв. до н. э., а появление иранских племен в областях далее к северу (в Закавказье и районах у Урмии, при движении через Кавказ) или к востоку (на территории будущей Мидии, при движении из Средней Азии) следует относить к XII–XI вв. до н. э.

Рассмотренные выше материалы – особенно в связи с новыми данными эламских документов – позволяют сделать более определенные выводы об удельном весе ираноязычного элемента среди населения Западного Ирана в IX–VIII вв. до н. э.; они дают возможность точнее уяснить иранское значение ряда представленных в ассирийских текстах имен и указать на их новые иранские параллели и, что особенно важно в данном случае, с полной уверенностью отнести к иранским значительную группу простых, «коротких» имен (как, например, имен на *-ukku* и *akku* и некоторых других) – а тем самым с большим основанием считать иранскими имена, связанные по данным источников с предыдущими; еще некоторые имена, как Арийа, Дари и др., получают в случае иранской принадлежности прямые параллели в хронологически и территориально близком иранском ономастическом материале. Все это относится как к именам, известным по весьма скудным материалам IX в. до н. э., так, в особенности, и к именам, засвидетельствованным гораздо более обильными данными второй половины VIII в. до н. э.

Материалы этого времени определенно свидетельствуют, что ираноязычное население в этот период составляло большинство или полностью преобладало во многих районах Западного Ирана, и в том числе на ближайших к Мидии территориях к западу от нее и в ее западных областях, где позже находился центр Мидийского царства. Соответствующие данные непосредственно подтверждают и доказывают отмеченное в начале статьи положение о том, что большие иранские государства, Мидийское и персидско-ахеменидское (ср. ниже), возникали в тех областях, где иранский этнический и языковой элемент уже был преобладающим, и создавались на основе социально-политического развития именно ираноязычного населения. Вместе с тем те же данные свидетельствуют, что образование Мидийского царства (после 672/671 г. до н. э.) и вторжения киммерийцев и скифов (появившихся в Иране в первые десятилетия VII в. до н. э.), если и имели известное значение, то не были определяющими и основными причинами широкого распространения ираноязычного населения в Западном Иране. Этот процесс получил широкое развитие задолго до того, как упомянутые факторы могли оказать какое-то влияние.

Анализ ономастического материала IX–VIII вв. до н. э. в сочетании с другими, реально историческими свидетельствами о носителях иранских имен и территориях, к которым они относятся, ясно показывает, что лица с иранскими именами – чаще всего правители мелких и мельчайших политических единиц. По крайней мере в основной массе эти имена происходят из языка населения таких местностей. И, напротив, безусловно нельзя говорить о том, что иранский элемент там, где он засвидетельствован в IX–VIII вв. до н. э., составлял верхушечный слой населения, а носители иранских имен были вождями военных дружин, напомиравшими кондотьеров, поступавшими на службу к местным правителям и постепенно захватывавшим власть в тех или иных районах Ирана. Лишь в единичных примерах иранские имена могли действительно принадлежать правителям созданных ранее местным населением государственных образований, но это должно объясняться иными причинами. По существу единственный надежный пример такого рода – имя Аспабара, царя Элипи с 708 г. до н. э.; но о нем как раз известно, что он был сыном и братом предшествующих правителей Элипи (а имена их, очевидно, неиранские); таким образом это имя свидетельствует не о захвате власти представителем ираноязычных групп, а о культурном и социальном влиянии (ср., в частности, значение имени) ираноязычного населения в Элипи, где, как и на примыкающих или зависимых от Элипи территориях, ираноязычный элемент определенно засвидетельствован иными данными IX–VIII вв. до н. э. В других же (для этого периода в целом редких или единичных) слу-

чаях, когда иранские имена принадлежали правителям более значительных объединений, для их территории распространение ираноязычного населения устанавливается уже для более раннего времени⁸⁴.

Продвижение иранских племен в Иран определено не носило характера завоевания или проникновения с переходом власти на значительных территориях к представителям этих племен. Напротив, уже весьма многочисленное ираноязычное население в IX – нач. VII вв. до н. э. в основном оказывается в зависимости от политических образований, созданных старым местным населением как на территории Ирана (Мана, Элам, Элипи и др.), так и в соседних странах (Ассирия, Урарту). Это относится и к персидским племенам – предкам создавших Ахеменидское царство. Племена эти находились на границах Элама уже в конце IX в. до н. э., но долго не играли заметной политической роли и находились в зависимости от Элама, о чем непосредственно свидетельствуют источники первой половины – середины VII в. до н. э. На протяжении VII в. их роль значительно увеличивается. Но возникновение, рост и укрепление ахеменидского объединения при Ахемене (около конца VIII – первых десятилетий VII в. до н. э.), Чишпише и Кире I (около 640 г. до н. э. и, вероятно, позже) происходило еще в условиях зависимости от Элама, а затем Ассирии. Основу же этого объединения составили персидские племена, причем земледельческие, что, как и сведения о возникновении Мидийского царства, указывает на создание иранских государств на базе территориальных связей оседлого ираноязычного населения.

Этногенез известных в последующие века западноиранских народностей бесспорно не может рассматриваться таким образом, что их господствующие классы происходят от ираноязычных иммигрантов, а основная масса или низшие слои населения – от автохтонов. Из данных, относящихся к IX–VII вв. до н. э., в том числе упомянутых выше, вполне определенно следует, что в областях, где отмечены иранские имена и топонимические названия, ираноязычными были как правители, так и рядовое население (как и в случае с персидскими племенами на юго-западе Ирана и Ахеменидами) – уже задолго до того, как их правители или цари могли распространить свою власть на более обширные территории, в том числе с ранее неираноязычным населением, где при иранизации на иранский язык переходили представители и высших и иных слоев населения.

Также неверно сводить сложение ряда западноиранских племен и народов к распространению среди их предков иранского языка при сохранении иных присущих им основных этнических черт. Процессы формирования иранских народностей по характеру и результатам представляются значительно более сложными. Иранизация тех или иных террито-

рий, внешне нередко фиксируемая, главным образом, по распространению иранской речи, сопровождалась коренными изменениями других основных черт населения этих территорий. Это касается и социальной структуры, и политических институтов, и религии и т. д. Такие выводы представляются вполне определенными по отношению к тем народам, о которых имеются более или менее подробные данные, относящиеся уже к древней эпохе. Так, нельзя, конечно, сказать, что персы – это лишь перешедшие на иранский язык аборигены Фарса или соседних территорий. Между тем именно они прошли наибольший путь по территории Ирана, а на его юго-западе, в Эламе и соседних районах, нашли высоко развитое в политическом, экономическом и культурном отношении местное население. В связи с соотношением иранского элемента и субстрата весьма показательны и данные древнеперсидского языка.

Обычно считают, что Авеста возникла на территориях древнего распространения арийских и иранских племен; и о племенах, создавших Авесту, естественно, не говорят, что это обыранившееся по языку старое местное население. Между тем и в авестийском, как и в собственно восточноиранских языках, имеются определенные явления и некоторые слова, не возводимые к общеиранскому или индоевропейскому наследию, упоминаются в Авесте и географические названия явно неиранского и неарийского происхождения. Древнеперсидский язык не обнаруживает каких-либо существенных влияний со стороны местных языков Ирана и Передней Азии, не считая, пожалуй, лишь единичных лексических заимствований, как *dipi-* ‘надпись’, ‘текст’ или *maškā-* ‘меха’ (для перевозки по воде). Они свидетельствуют, однако, не о субстратном влиянии, а о вполне обычных, происходивших на протяжении истории любого языка заимствованиях культурной лексики от соседних народов. Но подобные заимствования в древнеперсидском единичны. Его лексика почти целиком индоевропейского, индоиранского и общеиранского происхождения. А отдельные попытки обнаружить влияния переднеазиатских языков в его фонетике, грамматике или синтаксисе оказываются, как правило, неудачными и относятся к явлениям, на самом деле индоиранского или иранского происхождения⁸⁵. Новые данные эламских документов также ясно показывают, что древнеперсидский обладал всем богатством политической, социальной, религиозной и иной культурной терминологии, унаследованной от индоиранской или общеиранской эпохи. Это вполне согласуется с материалами и дополняет данные древнеперсидских надписей, свидетельствующих о развитии у персов различных иранских политических и социальных институтов, религиозных и культурных особенностей. Данные о Мидии гораздо более скудны. Только поэтому и воз-

можно существование мнения, по которому население Мидии в большей части состояло из местных племен, перешедших на иранский язык, но сохранивших основные этнические особенности автохтонного населения. Но все отрывочные сведения о социальных, семейных, правовых отношениях, политическом строе, религии и т. д. мидян в предахеменидский и ахеменидский периоды свидетельствуют, что соответствующие особенности являются прежде всего иранскими или развивают общеиранские и индоиранские институты. Можно также не сомневаться в том, что если бы до нас дошли древние западноиранские священные гимны и эпические песни (о существовании которых свидетельствуют и данные античных источников), они в рассматриваемом отношении вряд ли чем-либо отличались бы от авестийских: (а также, по-видимому, не упоминали бы таких слов, как *dipi-* ‘надпись’).

Из причин, обусловивших широкое распространение и большую устойчивость иранского этнического элемента в I тыс. до н. э. и остающихся еще во многом неясными, укажем на два обстоятельства. Во-первых, каковы бы ни были эти причины, иранизация соответствующих областей происходила при значительно большем, чем обычно предполагается, удельном весе пришлого ираноязычного населения. Причем последнее состояло не из отдельных групп вождей или воинов, а именно из переселявшихся племенных групп, включая различные слои населения. Это, как мы видели, должно следовать и из ранних свидетельств письменных источников об ираноязычном населении Ирана. То, что приходившее в Иран ираноязычное население было по численности весьма значительно, теперь, как кажется, подтверждается и антропологическими данными. Хотя они еще во многом недостаточны и не дают, например, пока оснований для выводов о направлении переселений, можно говорить, что антропологически население Ирана (особенно Северного) значительно изменилось между IV–II тыс. до н. э., с одной стороны, и античной и раннесредневековой эпохами, с другой; причем некоторые данные из разных районов Северного и Центрального Ирана могут указывать на появление групп нового населения как раз около конца II – начала I тыс. до н. э.⁸⁶

Во-вторых, определенно неоправданно мнение о большой экономической, политической и культурной отсталости иранских племен по сравнению со старым местным населением Ирана. Ко времени появления на территории Ирана иранские племена, безусловно, уже обладали весьма развитыми традициями в экономике и культуре, а также и в социально-политическом отношении. Об этом ясно свидетельствуют сравнительные историко-лингвистические данные, подтверждаемые и археологическими материалами из областей, где могла находиться древняя родина иранских

и индоиранских племен и где происходили их контакты с другими индоевропейскими племенами, т. е. с территории евразийских степей и лесостепной и лесной зон Европы. Эти данные указывают, что еще в доарийский и арийский периоды предки иранских племен занимались скотоводством и земледелием, вели оседлый образ жизни в постоянных поселениях, были хорошо знакомы с металлами; в их обществе проходили процессы социальной дифференциации, существовали весьма сложные имущественные отношения, соответствующие правовые институты и т. д. По крайней мере с арийского периода получает развитие деление общества на три группы, свободных общинников, жречество и военную знать, в ряде индоиранских традиций именуемую «колесничей». Подобное деление было характерно для предков всех основных известных групп индоиранских племен, включая скифов и западных иранцев. В отношении персов об этом свидетельствуют различные данные, в том числе о непосредственном отражении в ахеменидских надписях соответствующих идеологических представлений⁸⁷. Интересны и в этом отношении новые материалы персепольских документов, где, в частности, представлены⁸⁸ в качестве личных имен термины, известные ранее по иранским и индийским данным как обозначения членов военного сословия или «касты» (*xsaθrya*, *paradāta* и др.), и в том числе *radaišta(r)*- ‘стоящий на колеснице’. Как и имя *Rathika (ср. инд. *rathika*), это является еще одним свидетельством (наряду с ^h*uraθa* надписей и пр.) индоиранских традиций в использовании колесницы, единых как для индийцев, так и для иранцев, включая персов. Можно также подчеркнуть, что уже само существование у ариев боевой колесницы подразумевает наличие у них, с одной стороны, военной знати, хотя бы частично свободной от производительного труда и имевшей иные источники дохода, а с другой – металлических орудий, развитого ремесла и профессиональных ремесленников (все это для арийского периода может быть прослежено и по иным, независимым материалам)⁸⁹.

Подобные факты указывают на уровень развития предков иранских племен еще в арийский период (не позже первой половины II тыс. до н. э.). В дальнейшем их развитие проходило уже отдельно от предков индоариев, в общеиранский период (завершился во второй половине и не позже последних веков II тыс. до н. э.). В это время, в частности, были сделаны, дальнейшие успехи в области коневодства, широкое распространение получает всадничество и в военном деле – кавалерия. Данные клинописных источников IX–VIII вв. до н. э. свидетельствуют, что методы коневодства и всадничество были важными элементами культурного и социального воздействия иранских племен на местное население Ирана и Передней Азии⁹⁰. Но нужно учитывать, что как освоение колесницы в арий-

ский период было результатом развития соответствующих черт общественного строя и производства и как много позже выработка доспеха всадника и коня и распространение тяжеловооруженной конницы у сарматских и иных степных племен (ранее, чем в областях Древнего Востока и античного мира) требовали соответствующих производственной базы и особенностей социальной структуры, так и широкое распространение всадничества в общеиранский период было непосредственно связано с развитием хозяйства и социальных отношений. При этом не следует иметь в виду лишь успехи в области скотоводства. Необходимо подчеркнуть, что иранские племена до конца II тыс. до н. э., как и во время распространения в Иране, не должны характеризоваться как кочевые⁹¹; историко-лингвистические данные указывают на сохранение и развитие земледельческих традиций и в общеиранский период. Археологические материалы из евразийских степей II тыс. до н. э. могут указывать на возникновение тенденции к развитию кочевого скотоводства (ср., в частности, появление погребальных комплексов в открытой степи), но эти скотоводческие группы принадлежали к тем же племенам, что и обитавшее поблизости, преимущественно вдоль рек, в постоянных поселениях оседлое население, тогда еще продолжавшее, очевидно, составлять большинство этих племен.

Земледелие в этот период получает дальнейшее развитие (как по расширению освоенных земель, так и качественно), причем оно было не только мотыжным, но, как показывают сравнительные языковые и исторические данные, и плужным (по-видимому, еще с арийского времени и, определенно, в иранский период). Земледельческие традиции и навыки пойменного земледелия, очевидно, играли определенную роль и при расселении иранских племен в древних земледельческих областях Среднего и Ближнего Востока, а также в усвоении и развитии традиций ирригационного земледелия. Значительные успехи были сделаны в области металлургического производства (о чем четко свидетельствуют и материалы степных культур эпохи бронзы); особо можно отметить, что в общеиранский период (т. е. ранее конца II тыс. до н. э.), как показывают сравнительные лингвистические данные, уже было известно и железо (что также уже может быть подтверждено некоторыми находками этого времени с указанных территорий). Дальнейшее углубление получили процессы политического и социального развития, что отмечается и существованием общих для различных иранских языков терминов для обозначения тех или иных социальных групп, от высших слоев общества до зависимого населения и рабов (что также прослеживается и по данным западноиранской ономастики ахеменидского времени). Таким образом, ко времени

появления в Иране иранские племена уже прошли длительный путь сложного исторического развития.

Соответствующие данные подчеркивают общеисторическое значение социально-экономических процессов, проходивших в пределах скотоводческо-земледельческой зоны Евразии, вне древнего земледельческого ареала Ближнего и Среднего Востока, и должны обязательно учитываться при изучении истории распространения арийских и иранских племен и их взаимоотношений с населением стран Древнего Востока, в которых они рассеялись и где затем складывались иранские народности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Э. А. ГРАНТОВСКИЙ, Древнеиранское этническое название **Parsava-Pārsa*, – КСИНА, 30, 1961; ЕГО ЖЕ, Иранские имена из Приурмийского района в IX–VIII вв. до н. э., – «Древний мир», 1962, и др., ср. также ЕГО ЖЕ, Ираноязычные племена Передней Азии в IX–VIII вв. до н. э., АКД, М., 1964 и подробнее: ЕГО ЖЕ, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970 (далее – РИИП). В последней работе подробно изложены упоминавшиеся выше мнения относительно происхождения западноиранских племен и их распространения по территории Ирана (РИИП. С. 7–66).

² Автору пока неизвестны новые ассирийские тексты IX–VIII вв., в которых упоминались бы неучтенные личные имена, определенно относящиеся к территориям Западного Ирана. Из данных же использованных источников по недосмотру автора было пропущено имя правителя из районов у верховьев Малого Заба – Ашшурле (упоминается под 715 г., ср. о нем: И. М. Дьяконов, История Мидии, М.–Л., 1956. С. 207–208). Имя это аккадское, ассирийское, но оно (как и несколько других таких имен с указанных территорий) свидетельствует собственно не об этническом составе местного населения, а о культурных и политических влияниях из Двуречья.

³ См.: РИИП. С. 108–117.

⁴ См.: там же. С. 102–119, 191–194, 314–316, 319–322 и др.

⁵ Ср. там же. С. 241–245 (см. также ниже в тексте); о других примерах такого рода см.: РИИП. С. 131 и сл., 182 и сл., 269–71 и др.

⁶ Ср. там же. С. 229–232, 280–283, 365 и др.

⁷ См. там же. С. 182–184, 206, 234–236, 313, 316–317.

⁸ E. BENVENISTE, *Titres et noms propres en iranien ancien*, Paris, 1966 (далее – ТНП). С. 73–125.

⁹ О закономерностях этих передач см.: РИИП. С. 67–98, там же ср. о затрагиваемых ниже в тексте вопросах о конечных гласных и дифтонгах. Из данных о фонетических особенностях древних западноиранских диалектов представляет, в частности, интерес имя *Narišanka*, эламская передача для иран. **Narya-sanga*, ср. авест. *Nairyō.sanḥa*

(см. ТНР. С. 89 и сл., 99). Оно подтверждает, что в древних диалектах Западного Ирана слово *saha-/saṅha-* могло произноситься как с *-h-* (ср. *Narsah* и др.), так и с *ṅh* или *ng* (ср. перс. *tang* и др.), что может иметь значение при рассмотрении имен Бит-Санги и Сангибути из ассирийских источников. Но и независимо от этого, произношение указанного слова с *ṅh* или *ng* для западноиранских диалектов засвидетельствовано греческими передачами древнеперсидских слов σαγγάνδης παρασαγγης и, по-видимому, οροσαγγαl. Поэтому форма с *ng*, отраженная в элам. *Narišanka*, не должна указывать на восточноиранское или авестийское влияние. Само же представление о «Нериосенге» отражает существование при арийских и иранских вождях и правителях вестников, герольдов, в частности, имевшихся в Мидии, Персии, а также Скифии (ср. Э. А. ГРАНТОВСКИЙ, Иранские имена... С. 253, 259, 260; РИИП. С. 229–233, 280).

¹⁰ Это, в частности, дает возможность отделить друг от друга такие, в эламской передаче ничем иным, кроме окончания, не отличающиеся имена, как *Irdabada* < *R[ ]apāta и *Irdabaduš* < *Rtabadu- и т. д. (см.: ТНР. С. 83, 88–89, 107 и др.).

¹¹ Подробную библиографию работ сторонников и противников этого мнения см.: С. NYLANDER, Who wrote the Inscriptions at Pasargadae?,- «Orientalia Suecana», XVI (1967), Uppsala, 1968. С. 135–144.

¹² Ср. РИИП. С. 78-79.

¹³ М. А. ДАНДАМАЕВ, Проблема древнеперсидской письменности,- ЭВ, 15, 1963; ЕГО ЖЕ, Иран при первых Ахеменидах, М., 1963. С. 32–60.

¹⁴ С. NYLANDER, Who wrote... С. 144–177.

¹⁵ Ср. там же. С. 180, там же см. соответствующую литературу.

¹⁶ *Barnuš* < *Parnuš, *Dakma* < *Taxma, *Manuš* < *Manuš* и т. д.

¹⁷ Ср. РИИП. С. 260 и сл.

¹⁸ Или 'коршун' и т. п., ср. перс. *karkas*, *kargas* 'ястреб-стервятник', 'черный гриф', 'орел-ягнятник' и т. п. С этим словом можно связать название местности *Qarkasia* из списка 713 г. (имя правителя не сохранилось, как и для следующего последнего в списке владения, Партакана, с определенно иранским именем, ср. РИИП. С. 331, 365); название в этом случае представляет иран. **Ka(h)rkāsya* «Ястребиная» (или подобное), ср. другие иранские топонимы от названий животных (например, *Vrkāna*-Гурган – от *vṛka-* 'волк'), в том числе птиц, например, от слов, к которым восходит персидское *āluf* 'орел' <ср.-перс. *āluf* < *arduf* < др.-перс. *ardufya, *rdufya* (известно и как личное имя, в том числе по эламским документам), в иных диалектах *arzifya*, *rzifya*, в Авесте название крупной хищной птицы, «сенмурв» и пр. (ср инд. *rjipyu* – эпитет мифической птицы), а также имя горной местности. Судя по заимствованиям в другие языки, слово могло обозначать также ястреба, возможно, коршуна и т. п. От иран. **Arzif(i)ya*- может происходить название горного хребта и страны к северу или северо-востоку от Урмии, *Arzabi(i)a* (с *z/s*) текстов Саргона II. Вместе с тем Арзабия/Арцабия связывалась с урартским *aršibi*, ср. армянское *arcvi*, *arciv*, грузинское *arcivi* 'орел'. Автором настоящей статьи было предложено объяснять эти слова заимствованием из иранского (в докладе на Всесоюзной

ассириологической сессии в 1958 и в других работах – подробнее см. РИИП. С. 291–296, там же см. источники и литературу). К этой группе слов принадлежат еще названия орла (или также иных хищных птиц) в восточнокавказских (и, по-видимому, финно-угорских) языках. На основании этих слов в вейнахских и дагестанских языках И. М. Дьяконовым определена их праформа как **ardziv*; при этом он полагает, что это слово, как и в урартском, армянском и грузинском, восходит к арийскому (ср. др.-инд. *рджитья*) – И. М. Дьяконов, Предыстория армянского народа, Ереван, 1968. С. 30 и прим. 46. Но форма **ardziv*, как и современные вейнахские и дагестанские формы, не может быть выведена из общеарийского или индоарийского, в частности, потому, что в них сохранялось *n*. Зато восстанавливаемое И. М. Дьяконовым **ardziv* удивительно похоже на предлагавшиеся в литературе прообразы армянского заимствования из иранского (ср. РИИП. С. 292, там же. С. 293–294 ср. об иран. *z* и *d*, соответствующим инд. *j*, и урартскому *s*□ в ингушском и чеченском эти слова имеют *dz*, в лакском – *z*). Привлечение восточнокавказских форм подтверждает, что армянский здесь связан с кавказским кругом и это слово в нем не является индоевропейским наследием. Вместе с тем не приходится сомневаться в том, что эти кавказские слова связаны с арийскими, причем западноиранские наиболее близки к кавказским по форме и по значению («орел», характерному лишь для западноиранских и кавказских языков; в других это слово означает хищную птицу вообще или, конкретно, иных хищных птиц, а не орла). В иранском это слово определено восходит к арийскому и имеет индоевропейскую этимологию, различную в зависимости от значения второй части слова, первая же определено к **rǵi-*, инд. *ṛji-*, иран. *ṛzi-* ‘прямой’, ‘крутой’, ‘поднимающийся (опускающийся) прямо вверх (вниз)’, что подтверждается «юго-западным» иранским вариантом с *ṛdu* < *rǵu-* (ср. также варианты древнеперсидского имени *Ardi-maniš* и *Ardu-maniš*, ср. РИИП. С. 212). Того же происхождения, очевидно, и греч. *αἰγυλιός* (обычно – ‘коршун-ягнятник’); по народной этимологии это сложение из «коза» + «коршун» (но у Гомера это лишь обозначение крупной хищной птицы вообще, как и в Авесте и Ведах). Отвергая это объяснение, К. Бругман впервые предположил связь греческого слова с арийскими, учитывая лишь авестийскую и ведическую формы. Но греческая по тематическому гласному первой части может найти непосредственное соответствие в «юго-западном» иранском: **rdufya*, **ardufya*.

Данные о бытовании слова «орел» в западноиранских и кавказских языках могут рассматриваться как существенный аргумент в пользу кавказского пути западноиранских племен или их части. В кавказских языках имеются, по-видимому, и другие слова, на очень ранней стадии заимствованные из иранского. Так, по Андроникашвили М. К., некоторые древнейшие иранские элементы входят в основное ядро лексики грузинского, а в ряде случаев имеют фонетические соответствия в родственных картвельских и других кавказских языках (АНДРОНИКАШВИЛИ М. К., Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, I, Тбилиси, 1966, резюме. С. 521).

¹⁹ Так, имя *Mariyaka*, вариант *Marrikka* образовано от *marya-* (социальный термин; первоначально «отрок», «молодой человек», затем «молодой воин» и т. д.), также

представленного именем *Marīyuu*, и является самостоятельным образованием, ср. др.-перс. *marīka* (из **maryaka* ‘подданный’, ‘член народа – войска’) и т. п. (ср. также персидское слово у Гезихия: *μαριϋῶς* «мальчик»). Имя *Šakšaka* < **Xšassaka*, как и **Xšaθraka* (*Σατρῶρης*) также не требует дополнений и выражает отношение к понятию *xšaθra* в той же мере, как **Xšaθrina* (см. выше), *Xšaθrita* и *xšaθrya* и **Xšassiya* (см. выше), соответствующие инд. *kṣatriya* «кшатрий» и т. д. О самостоятельной форме *xšaθraka* и именно для обозначения члена (или эпического основателя) военной знати ср. РИИП. С. 261. В новых эламских текстах есть и другие имена, соответствующие терминам для обозначения членов военной аристократии: *Ratešda* < *raθaišta(r)*- «стоящий на колеснице» – наиболее обычное в Авесте название члена военной касты (индийское соответствие также иногда стоит в перечислениях каст на месте обычного «кшатрий») и *Paradada* < *Paraθāta*, в Авесте и у скифов первая царская династия эпоса, а у скифов и происходящая, по преданию, от нее одна из трех групп общества – военная знать (ср. РИИП. С. 208). Имя *Pirratamka* < **Fratamaka*, по Э. Бенвенисту, сокращение от сложного имени с *fratama*- ‘первый’; но в древнеперсидском *fratama*- (превосходная степень от *fra*-) термин для обозначения знати и вельмож; по образованию же **fratamaka* сравнимо с **frataraka* (от *fratarā*-, сравн. степень от *fra*-) – административный чин при Ахеменидах, позже титул правителей Парса (ср. РИИП. С. 208 и сл.; ср. также ниже об имени *Šatrabama*, соответствующем титулу «сатрап»). Упомянутые древнеперсидские имена представляют слова на *-ka*, характеризующие принадлежность к общественной группе, должности или занятию; древнеперсидский дает целый ряд примеров таких слов (ср. РИИП. С. 263 и сл.). Наряду с терминами для обозначения вельмож, чиновников, воинов и пр. сюда входит и *bandaka*- ‘раб, слуга’ и т. п. (позже одно из обычных обозначений раба в персидском). Отметим, что приводимое по другому поводу Э. Бенвенистом имя *Αὐτοβοισάκης* < **Vāta-vaisaka* ‘служитель (слуга) бога Вата’ (ТНР. С. 103) указывает на др.-перс. *vaisaka* «слуга» и, очевидно, «раб», ср. авест. *vaīsa* «раб» (букв. «принадлежащий роду, дому») и хотано-сакское *bīsa* ‘слуга’, ‘раб’ (ср. о последних В. А. Лившиц, – ИТН, I. С. 141 и сл., 505 и сл.). Имена из эламских документов указывают еще на **Karšaka* (элам. *Karšaka*), очевидно, «земледелец», ср. известное ранее **karšika* и авест. *karšivant*- (ср. РИИП. С. 228, 260, 264 и сл.), и **Raθika* > элам. *Ratikka*; в отличие от многих других имен на *-ka*, Э. Бенвенист не отмечает, что это сокращение, сравнивая имя с др.-инд. *rathika* ‘ведущий колесницу’, и сопоставляя с др.-инд. *padika* и др.-перс. **padika* > *paig* ‘пехотинец’, ‘пешеход’, от *pada*- ‘нога’ (ТНР. С. 92); также др.-перс. *arštika* ‘(воин-)копейщик’, от *aršti*- ‘копье’, как **rathika* от *raθa*- ‘колесница’. Имя *Ašbak(k)a* от *aspa*- ‘лошадь’ параллельный материал также позволяет рассматривать как простое **aspaka* ‘конник’, ‘конный воин’, ‘всадник’ (ср. РИИП. С. 465 и сл.). Не сокращение, очевидно, и имя *Tannuka*, к *tanu*- ‘тело’, ср. имена на *-ka* от названий частей тела, указывающие на мощное телосложение и т. п. (ср. там же. С. 172–176, 252, 261). Имена *Parnaka* и *Parnukka* отражают самостоятельные образования, находящие прямые соответствия в иранской лексике (ср. ниже в тексте), как и имя *Nasukka* < **Nāzuka*, ср. перс. *nāzūk*, ср.-перс. *nāzūk*, *nāzīk*, курдское

nāzik «грациозный» и т. п. (к элам. *s* для *z* ср. прим. 70). *Hindukka* – имя по этнониму или топониму, «индиец» (ср. *Muzriya* «египтянин», *Šugda* < *Sugda* «согдиец» и др.), определено не сложное; то же значение, очевидно, у имен *Hidukka* и *Hiduš* (ср. ТНР. С. 83). Имеются и многие другие пары простых имен и слов с суффиксом *-ka* и без него, ср. выше о **Mariya* и **Maryaka*, **Syāta* и авест. *Syāmaka* и т. д. Поэтому должны быть простыми и имена: *Zišnuka*, ср. *Zišna*, *Yaudakka*, ср. *Yauda* и т. д. Для характеристики древних западноиранских образований на *-ka* интересно и вавилонское *gunakku*, греч. γαυνάχις, χαυνάχις ‘шуба’, ‘верхняя меховая одежда’ (по Аристофану, у персов и вавилонян), иран. **gaunaka*, от *gauna-* ‘шерсть (животного)’, ‘волос’ (ср. ТНР. С. 122).

²⁰ ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Иранские имена... С. 259, 262; РИИП. С. 249-Т-271 и др.

²¹ Ср. РИИП. С. 68–69, 251 и сл.; там же см. литературу.

²² Ср., например, имена *Darmakka* (см. ДАНДАМАЕВ М. А. Клинописные данные об ариях, – «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968. С. 88) и др., название ахеменидского чина *didakku* (ср. РИИП. С. 264), одежды *gunakku* (см. прим. 22) и т. д.

²³ Ср. в списке Э. БЕНВЕНИСТА, ТНР. С. 79 и сл.

²⁴ ТНР. С. 115.

²⁵ Ср. BENVENISTE E. Notes sur les tablettes élamites de Persepolis, – «Journal Asiatique», t. 246, 1958. С. 50–52.

²⁶ SPEISER E. A. Ethnic Movements in the Near East in the second Millenium B. C., – «Annual of American Schools of Oriental Research», XIII, 1933. С. 28; ЕГО ЖЕ, Introduction to Hurrrian, – там же, XX, 1941, стр. 8 и прим. 27. Последующую литературу см. РИИП. С. 28–30, 251 и др.

²⁷ Греч. η в Διόχις результат либо развития в ионийском ā>η (Ф. Юсти и др., ср. РИИП. С. 251), либо уподобления греческим именам с Δη- (А. Фикк и др., см. R. SCHMITT, Medisches und persisches Sprachgut bei Herodot, – «Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft 1967. С. 129; по Р. Шмитту, имя Дейок – Дайакку либо хуритское – со ссылкой на Э. Шпайзера, – либо иранское, в этом случае сокращение к *dahyupati*).

²⁸ См. РИИП. С. 249–251.

²⁹ Ср. там же. С. 252 и сл.

³⁰ Ср. там же. С. 266.

³¹ BENVENISTE E. Notes... С. 54; НТР. С. 81, 82.

³² Ср. АЛИЕВ И. История Мидии, Баку, 1960. С. 95, при этом указывается на имя Арбака у Ктесия и Гарпага у Геродота. Объединение этих имен оправдано, но *ha-* в Ἄρβακος в этом случае результат греческой передачи и этимологизации (ср. ниже) и никак не может указывать на связь имен Арбаку и касситского Харбе.

³³ См.: SCHMITT R. Medisches... С. 133 и прим. 103 (указывается и на аккадское *Arbaku*; этимология не предлагается).

³⁴ Ср. РИИП. С. 267–268.

³⁵ См.: ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Иранские имена... С. 259, РИИП. С. 266–267; отмечавшееся при этом *kārapati представлено и эламским *karabattiš*, вероятно, ‘проводник’ или ‘глава каравана’ (ср. CAMERON G. *New Tablets from the Persepolis Treasury*, – JNES, XXIV, 1965. С. 176), ранее, очевидно, ‘глава народа, войска’, ‘ведущий войско, отряд’, ср. перс. *kār(e)van* ‘караван’ (с *kār*-<*kāra*-, как и в *kārzār* ‘битва’, ‘поле боя’).

³⁶ CAMERON G. *New Tablets...* С. 173: *Ka-rak?-ka* «Karakka (?)», что должно быть верным, учитывая, что имя это имеется и в текстах «крепостной стены».

³⁷ ТНР. С. 86, где также предполагается, что и имена *Kurakka* и *Kurašiyatiš* образованы от *kāra*->элам. *kura*-, что, однако, остается неясным.

³⁸ Об именах, упомянутых в данном абзаце ср. РИИП. С. 188, 234 и сл., 237 и сл., 266 и сл., 333.

³⁹ См. там же. С. 236–237 (об Узакку) и 227–228 (о Тунаку).

⁴⁰ Ср. там же. С. 204–205.

⁴¹ Там же. С. 322 (об Арийа) и 313–314 (о Багайа).

⁴² Ср. там же. С. 312–313.

⁴³ SCHMITT R. *Medisches...* С. 133 и прим. 100.

⁴⁴ Ср. JUSTI F. *Iranisches Namenbuch*, Marburg, 1895. С. 14 и сл.; ТНР. С. 101.

⁴⁵ ТНР. С. 82; об ассир. *Dari* см. РИИП. С. 324–325.

⁴⁶ См. РИИП. С. 209–210, там же, ср. об именах с *srīra*-; подобные образования представлены, по-видимому, и в эламских документах. С. ТНР. С. 78 и 93.

⁴⁷ См. РИИП. С. 156–157, 227–228, 248, 302–306, 324.

⁴⁸ Для имен с *vahu*- из эламских текстов см. ТНР. С. 87 и сл., из ассирийских – РИИП. С. 211 и сл., 318. Для элам. *Mau-mana* ср. также другие имена с *-mana* из тех же документов: *Irdamana* и др.

⁴⁹ См. ТНР. С. 86, 92, 93 и раздел «*Šiyāti*» (С. 119–121), где привлекаются данные других источников. Не учтены некоторые данные вавилонских текстов, в частности, имя *Artašāta* времени Дария I. Исходя из того, что в эламских версиях при Дарии I для *šiyāti* пишется *ši-ia-ti*, а для *Zšiyāta* в антидевовской надписи Ксеркса *ša-da, ša-ud-da*, Э. Бенвенист полагает, что редукция *šyā>šā* произошла во время между Дарием I и Ксерксом, но это не отразилось в графике древнеперсидского. Однако и в надписях Ксеркса, причем и более поздних, чем антидевовская, *šiyāti* в эламском транскрибируется с *ši-ia*-, а уже при Дарий I отмечено вавил. *-šāta*. В персепольских же документах встречаются обе передачи. Эти и другие данные показывают, что здесь следует видеть (еще и при Ксерксе) не хронологическое развитие, а отражение различий в говорах и диалектах (ср. РИИП. С. 195–199).

⁵⁰ Бенвенист Э., как и ряд других авторов, переводит эти слова в древнеперсидском надписей и в составе имен как ‘блаженство’, ‘счастье’, ‘радость’; ‘блаженный’, ‘счастливый’. Но соответствия к этим словам в других иранских языках по значению могут быть распределены на три группы: 1. ‘тихий’, ‘спокойный’ и т. п. (в осетинском; это наиболее близко к значениям слов того же корня в славянском, латинском и пр.), 2. ‘блаженный’, ‘радостный’ и т. п. (в Авесте, среднеперсидском и др.), 3. ‘благоденствующий’

щий', 'богатый', 'обеспеченный обилием материальных средств' и т. п. (в хотаносакском, частично согдийском и др.); в ахеменидских же надписях и древнеперсидской религии понятия *šyāti* и *šyāta* примыкают именно к последним значениям, о чем, помимо иных данных, непосредственно свидетельствуют вавилонские переводы – «благоденствие», «всеизобилие», «все богатство» (ср. РИИП. С. 199 и сл.).

⁵¹ Так по Дж. Кэмерону (см. и в его новой работе: G. CAMERON, *New Tablets*. С. 174) и Э. Бенвенисту – в связи с *Rimadadda* < *Raivadāta (ТНР. С. 92). Но хотя передача *ai* > элам. *a* и допустима, обычным было *e*, *i*; *raiva-* передается как раз через *rima-* в *Rimadadda*, *rāma-* же передается в тех же документах через *rama-* (ср. ТНР. С. 92).

⁵² См.: АБАЕВ В. И., Скифский быт и реформа Зороастра, – «Archiv Orientalní», XXIV, 1956.

⁵³ Ср. РИИП. С. 234–236.

⁵⁴ Ср. там же. С. 255–259, а также 151, 289, 302–305.

⁵⁵ GERSHEVITSH I. *Dialect Variation in Early Persian*, – «Transactions of the Philological Society, 1964». С. 10, прим. 1.

⁵⁶ Ср. также: WIDENGREN G. *Der Religionen Irans*, Stuttgart, 1965. С. 147 и сл.

⁵⁷ См. РИИП. С. 98.

⁵⁸ ТНР. С. 116; АБАЕВ В. И. Benveniste E. Titres..., [рец.] – ВЯ, 1969, № 1. С. 110.

⁵⁹ Ср. ТНР. С. 79, 116 и др.

⁶⁰ Ср. РИИП. С. 328–329, а также 72–73, 83.

⁶¹ ТНР. С. 84.

⁶² ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Иранские имена... С. 259; РИИП. С. 259.

⁶³ ТНР. С. 78; АБАЕВ В. И., Benveniste E. Titres... [рец.]. С. 109.

⁶⁴ См.: ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Иранские имена... С. 254 и прим. 9. С. 255–256, 257; ср. ЕГО ЖЕ, *Древнеиранское...* С. 18.

⁶⁵ См. ТНР. С. 78.

⁶⁶ Ср. РИИП. С. 206 и сл., а также 122, 174–176.

⁶⁷ См. там же. С. 82, 84–87, 330–331.

⁶⁸ ТНР. С. 85.

⁶⁹ Ср. РИИП. С. 100–101 – об *l* в древнеиранском и С. 93 – об *l* в аккадских передачах иранских имен; к числу таких примеров можно добавить *Hulušidātu* в одном из вавилонских документов вместо *Huruššadātu* в других (см. ДАНДАМАЕВ М. А. Клинописные данные... С. 90, 91).

⁷⁰ Ср. ВДИ, 1963, № 1. С. 175–176; РИИП. С. 149–162; один из выдвигавшихся при этом аргументов основан на передачах «чисто персидских» названий четырех месяцев древнеперсидского календаря в эламском, где они часто отражаются в «северо-западной» форме. В двух названиях речь идет об отражении «неперсидского» *z* (и этих фактов, очевидно, достаточно для сохранения в силе данного аргумента), в двух других – об отражении *s*: элам. *s*. Но, по В. Хинцу, элам. *s* передает θ ; по крайней мере, как он пишет, θa всегда передается через элам. *sa* (и *sa* всегда стоит для θa) и θi всегда через *si*.

– W. HINZ, E. Benveniste, Titres... [реу.], – «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 1968, стр. 432–435. Но если это справедливо, то по-видимому, лишь частично. Хотя иран. *s* обычно передается эламским *š*, последнее употребляется также для иран. *š*, *ss* и др. и, следовательно, многозначно, как и *s*, которое во всяком случае могло передавать иран. *z* (уже поэтому не исключено и *s* для иран. *s*), ср. *Sirranka*<*Zranka*, *samima*<**zamima* и др. Для иран. *θ* обычной, по данным версий (из которых первоначально и следует исходить), была эламская передача именно через *t* (поэтому допустимо и *d*, особенно при бытовании слова или имени в эламской среде), ср. *Partuma(š)*<*Parθava*, *Šaturrida*<*Xšaθrita*; с эламским *t*- в Бехистунской надписи передается и название месяца *θūrāvāhara*, при *t* и *s* в документах. Передача *θ*>*t*, и в том числе *θi*>*ti*, определенно встречается и в именах из документов, ср. прим. 19 о *Ratešda*<*raθaišta(r)*- и *Ratikka*< **raθika*, как раз с общеиранским, а не «персидским» *θ*. В предполагаемых же случаях с иран. *θ*>элам. *s* всегда следует иметь в виду, не передается ли на самом деле иран. *s*, соответствующее *θ* других диалектов и говоров. Так, при передаче *θataguš* с элам. *sa-*, по-видимому, отражается *sata-* ‘сто’, (как и в персидском: *sad*), тем более, что то же имя передается и с *ša-* (ср. TNP. С. 92). Поэтому при передаче *θūrāvāhara* с *su-* (при параллельном *tu-*) следует видеть отражение *sūra* (как и в персидском: *sūr*). Возможно, так же нужно понимать и передачу с *sa-* названия месяца *θaigrači*. В связи со сказанным не представляются вполне убедительными и возражения В. Хинца против некоторых данных Э. Бенвенистом этимологий имен из эламских документов.

⁷¹ GERSHEVITCH I. Dialect Variation... С. 1–29.

⁷² SZEMERENYI O. Structuralism and Substratum – Indo-Europeans and Aryans in the ancient Near East, – «Lingua», XIII, 1964. С. 20–24

⁷³ Ср. РИИП. С. 161–162, 269 и сл.

⁷⁴ Там же. С. 157 и сл., 224, 306–307 и др.

⁷⁵ Ср. ряд примеров выше, а также РИИП. С. 154–158.

⁷⁶ НУМВАСН Н. Μαραθωί, – «Pratidānam», Den Haag – Paris, 1968. С. 154–156.

⁷⁷ ДЪЯКОНОВ И. М. Языки древней Передней Азии, М., 1967. С. 90–91.

⁷⁸ ДЪЯКОНОВ И. М. История Мидии. С. 69, 161, 224 и др., ЕГО ЖЕ. Языки, стр. 90–91. Эти выводы приняты и рядом других авторов, а подобная этимология предлагалась и ранее; литературу см. также РИИП. С. 60. 134, 146.

⁷⁹ См. там же. С. 136–144, 220 и сл.

⁸⁰ См.: ГРАНТОВСКИЙ Э. А. Древнеиранское...; ЕГО ЖЕ, РИИП. С. 164–176.

⁸¹ См. там же. С. 269–275, а также 169–171.

⁸² Ср. там же. С. 119–126, 130–133, 370–371.

⁸³ Оно, однако, представляется все же более вероятным при учете данных других групп источников, см. РИИП. С. 337–374; ср. также выше, прим. 18; важные материалы в пользу этого положения содержатся в работе АБАЕВА В. И. Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965, см. также его выводы по данному вопросу, там же. С. 121–125.

⁸⁴ Ср. РИИП. С. 138–139, 219, 278, 309–311, 374–375.

⁸⁵ Так, один из синтаксических оборотов древнеперсидского языка, связывавшийся с арамейским влиянием, имеет, как было позже показано, параллели в ведическом (см.: HOFFMANN K. *Altiranisch*, – «Handbuch der Orientalistik», I, Bd IV, Abschnitt 1, Leiden – Köln, 1958. С. 19); ср. также выше о «вариации» θ/s в персидском и невозможности объяснять ее арамейским влиянием.

⁸⁶ Ср. IKEDA J. *Anthropological Studies of West Asia. II. Human Remains from the Tombs in Dailaman, Northern Iran. 2.* (The Tokyo University. Iraq – Iran Archaeological Expedition. Report 9), Tokyo, 1968. С. 1–35.

⁸⁷ См.: BENVENISTE E. *Traditions indo-iraniennes sur les classes sociales*, «Journal Asiatique», t. 230, 1938. Большая заслуга в выявлении таких фактов принадлежит Ж. Дюмезилю и его последователям (хотя эти вопросы должны быть исследованы глубже, на собственно историческом материале, и требуют осмысления реальных социальных и экономических сторон проблемы). Но подобные выводы о социальном строе индоевропейских и арийских племен делались и иными учеными. Так, в отношении скифов по сопоставлению соответствующих данных античных авторов с авестийскими материалами на это было указано еще в XIX в. петербургским профессором Э. Боннелем (см. в его труде: E. BONNEL, *Beiträge zur Altertumskunde Russlands*, Bd I, Spb., 1882. С. 172–177).

⁸⁸ Ср. выше прим. 19.

⁸⁹ К данному абзацу см. также РИИП. С. 158, 208, 346–359.

⁹⁰ Ср. там же. С. 276–278.

⁹¹ Ср. там же. С. 377 и сл.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДД – Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора наук.

АГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Л.

АКД – Автореферат на соискание ученой степени кандидата наук

ВДИ – Вестник древней истории, М.

ВИ – Вопросы истории, М.

ВЛГУ – Вестник Ленинградского государственного университета, Л.

ВЯ – Вопросы языкознания, М.

ДАН АзербСССР – Доклады Академии наук Азербайджанской ССР, Баку.

ДАН ТаджСССР – Доклады Академии наук Таджикской ССР, Душанбе.

ДД СССР – Доклады делегации СССР.

ДСИФМГУ – Доклады и сообщения Исторического факультета Московского государственного университета, М. «Древний мир» – «Древний мир. Сборник статей. Академику В. В. Струве». М., 1962.

ЗИАН – Записки императорской Академии наук, СПб.

- ЗИВАН – Записки Института востоковедения Академии наук СССР, Л.
- ЗКВ – Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук, Л.
- ИАК – Известия императорской Археологической комиссии..., СПб.
- ИАН АрмССР – ОН – Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки.
- ИАН АрмССР – ООН – Известия Академии наук Армянской ССР. Отделение общественных наук, Ереван.
- ИАН – ОГН – Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук, М.
- ИАН – ОЛЯ – Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, М.
- ИАН – ООН – Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук, М.
- ИАН – СИФ – Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии, М.
- ИАН – СЛЯ – Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка, М.
- ИАН ТаджССР – ООН – Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук, Душанбе.
- ИАН ТуркССР – СОН – Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук, Ашхабад.
- ИАН УзбССР – СОН – Известия Академии наук Узбекской ССР. Серия общественных наук, Ташкент
- ИЖ – Исторический журнал, М.
- ИИКНВ – Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели, М.–Л., 1960.
- ИМ – Историк-марксист, М.
- ИОАИЭК – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Казань.
- ИРАН – Известия Российской Академии наук, Пг., 1918–1923; Л., 1924–1926.
- ИТН I – История таджикского народа, т. I, М., 1963.
- ИФ IV –Иранская филология. Материалы IV Всесоюзной межвузовской научной конференции по иранской филологии, состоявшейся в Ташкенте 23–26 сентября 1964 года, Ташкент, 1966.
- ИФ II (тез.) – Научная конференция по иранской филологии (тезисы докладов), Л., 1962.
- ИФ IV (тез.) – IV Всесоюзная научная конференция по иранской филологии (тезисы докладов), Ташкент, 1964.
- ИФ V (тез.) – V Межвузовская научная конференция по иранской филологии (тезисы докладов), Душанбе, 1966.
- ИФ VI (тез.) – VI Всесоюзная научная конференция по актуальным проблемам иранской филологии (тезисы докладов), Тбилиси, 1970.
- ИФ (А. Н. Болдыреву) – Иранская филология. Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию профессора А. Н. Болдырева, М., 1969.

ИЮОНИИ – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГрузССР, Цхинвали.

Кара-тепе II – Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе, М., 1969.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР, М.

КСИВАН – Краткие сообщения Института востоковедения Академии наук СССР, М.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР, М.–Л.

КСИНА – Краткие сообщения Института народов Азии Академии наук СССР, М.

КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР, М.

МАД – Материалы по археологии Дагестана, Махачкала.

МАК – Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества, М.

Материалы 1957 – Материалы Первой всесоюзной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4–11 июня 1957 г., Ташкент, 1958.

МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР, М.

МКВ – Международный конгресс востоковедов.

МХЭ – Материалы Хорезмской археологической экспедиции, М.

МЮТАКЭ – Материалы Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции, М.–Л.

НАА – Народы Азии и Африки, М.

НВ – Новый Восток, М.

НСАК I – Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, М., 1962.

ОНИССВ – Очерки по новой истории стран Среднего Востока, М., 1951.

ПВ – Проблемы востоковедения, М.

ПИКНВ I – Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов I годичной научной сессии ЛО ИНА. Март 1965 г., Л., 1965

ПИКНВ II – То же. Тезисы докладов II годичной научной сессии ЛО ИНА. Март 1966 г., Л., 1966.

ПИКНВ IV – То же. Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА. Май 1968 г. Л., 1968.

ПИКНВ V – То же. Краткое содержание докладов V годичной научной сессии ЛО ИВАН. Май 1969 г. Л., 1969.

ПИКНВ VI – То же. Краткие сообщения, аннотации VI годичной научной сессии ЛО ИВАН, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, апрель 1970 г. Л., 1970.

ПТКЛА – Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии.

ПС – Палестинский сборник.

СА – Советская археология, М.

САИ – Свод археологических источников, М.

САН ГрузССР – Сообщения Академии наук Грузинской ССР, Тбилиси.

- СВ – Советское востоковедение (журнал), М.
 СВ – Советское востоковедение (сборник I–VI), М.–Л.
 СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры, Л.
 СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа, Л.
 ССИА – Сборник статей по истории Азербайджана, вып. I, Баку, 1949.
 СЭ – Советская этнография, М.
 ТАН ТаджССР – Труды Академии наук Таджикской ССР, Душанбе.
 ТГИМ – Труды Государственного Исторического музея, М.
 ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа, Л.
 ТИИАН АзербССР – Труды Института истории Академии наук Азербайджанской ССР, Баку.
 ТИЯз – Труды Института языкознания Академии наук СССР, М.
 ТОВЭ – Труды отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, Л.
 ТТаджФАН – Труды Таджикского филиала Академии наук СССР, Сталинабад.
 ТХЭ – Труды Хорезмской археологической экспедиции, М.
 ТЮТАКЭ – Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции, М.–Л.
 УЗАГУ – Ученые записки Азербайджанского государственного университета, Баку.
 УЗИВАН – Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР, М.
 УЗЛГУ–СВН – Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия востоковедческих наук, Л.
 УЗМГУ – Ученые записки Московского государственного университета, М.
 ФИСЗАА II – Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Тезисы докладов научной конференции Восточного факультета ЛГУ, 1965/66 уч. год, [Л.], 1966
 ФИСЗАА III – То же. Тезисы юбилейной научной конференции Восточного факультета ЛГУ, посвященной 50-летию Великого Октября, [Л.], 1967 ЭВ – Эпиграфика Востока, Л.
 АА – *Archaeologische Anzeiger*
 АAnASH – *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricæ*
 АASOR – *Annual of American Schools of Oriental Research*
 АJA – *American Journal of Archaeology*
 АМG – *Annales du Musée Guimet, Paris*
 АМI – *Archaeologische Mitteilungen aus Iran, Berlin*
 АO – *Analecta Orientalia, Roma*
 АOМH – *Archæologia Orientalia in Memoriam E. Herzfeld, New York*
 АOр – *Der Alte Orient*
 BibOr – *Bibliotheca Orientalis, Leiden*

BGA – Bibliotheca geographorum Arabicorum, hugdunum Batavorum (Leiden)
BMMA – Bulletin of Metropolitan Muzeum of Art
EI – «Enzyklopaedie des Islam», Leipzig, 1908–1937
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
ILN – Illustrated London News
IS – Istanbuler Schriften
Jacoby – F. Jacoby, Die Fragmente der griechischen Historiker
JAH – Journal of Asian History, Wiesbaden
JNES – Journal of Near Eastern Studies, Chicago
JESHO – Journal of the Economic and Social History of the Orient, Leiden
MMAI – Memoires de la Mission archéologique en Iran, Paris
MSS – Münchener Studien für Sprachwissenschaft, München
Müller – C. Müller, Fragmente Historicorum Graecorum
MVAG – Mitteilungen der Vorderasiatische-Aegyptischen Gesellschaft, Leipzig
OIP – Oriental Institute Publication, Chicago
OLZ – Orientalistische Literaturzeitung, Leipzig
RAA – Revue des arts asiatiques
RE – Paylys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue
Bearbeitung. Hrsg. von G. Wissowa, Stuttgart, 1893-1941
RS – La Regalita Sacra, Leiden
RSO – Rivista degli studi Orientali, Roma
SA – Séries archéologique, Paris
Seel – O. Seel, Pompei Trogi fragmenta, Lipsiae, 1956
SPA – A Survey of Persian Art, London – New York
ZA – Zeitschrift für Assyriologie

E. A. GRANTOVSKY

THE SETTLING OF IRANIAN TRIBES IN THE TERRITORY OF IRAN

SUMMARY

This paper deals with some problems of the history of Iranian tribes from their first appearance in Iran to the rise of the great Median and Achaemenid Empires. It also discusses the distribution of Iranian tribes in the territory of Iran and the formation of the Iranian ethnos there as well as the causes of such a wide distribution of the Iranian population, the relationships of Iranian immigrants and the indigenous population, etc. The investigation of these problems has been mainly based on the data of Assyrian texts of the IX–VII centuries B.

C. relating to Iran and on onomastic material contained therein. The solution of the above mentioned problems depends largely on determining the language group to which this material belongs. The data of the Assyrian texts was examined by the author in his previous works and he has come to the conclusion that the Iranian element in the population of Western Iran in the IX–VII centuries B. C. was much larger than usually supposed. In this paper the author examines some additional historical and geographical facts, that make it possible to attribute with more confidence certain names to the Iranian language group, while the Assyrian transliteration alone of these names makes it difficult to draw an indisputable conclusion. The Iranian origin of a considerable group of such names from the Assyrian sources is confirmed by an analysis of the Iranian onomastic material yielded by the Elamite fortification texts from Persepolis. These data also enable us to confirm certain suggestions on the etymology of names from the Assyrian inscriptions and emphasize the continuity in the onomastics of Western Iran from the Assyrian times to the Achaemenid period. A comparison of the onomastic data of these periods confirms that the main features of the religion of the Achaemenides, including the cult of Mazdā, go back to the religious beliefs of the West Iranian tribes in the IX– VIII centuries B. C. The question of «proper Persian» and «non-Persian» (often considered to be Median) words of the Persian vocabulary is discussed in connection with the name *Parsava; the author believes that the former as well as the latter belonged to the dialects of Persian tribes themselves and existed in the dialects of Western Iran as far back as the VIII century B. C (as some data of the Assyrian texts show) or even earlier.

On the basis of these data one may speak with more confidence about the wide distribution of the Iranian population in Iran in the early 1st millennium B. C. Appearance of the Iranians in the western outlying districts of Iran must date from the XI–X centuries B. C.; their appearance further to the North (near Urmia lake and in Transcaucasia when they moved across the Caucasus) or further to the East (in the territory what was to become Media, when they moved from Central Asia) must date from the XII–XI centuries B. C. The growth of the Median State and invasions by the Cimmerians and the Scythians cannot be regarded as the reason for the spread of the Iranian language in Iran, because the Iranian-speaking population was predominant in many regions of Iran much earlier.

The Iranization of various territories, which is often traced mainly through the spread of the Iranian language, was accompanied by radical changes in other basic ethnic characteristics of the population. By the time of their appearance in Iran, Iranian tribes had developed traditions of economic life, social relations and culture which went back to the time when they lived in the steppes and forest-steppes of Euro-Asia. This must be kept in mind when dealing with question of the relationships of the indigenous population and Iranian tribes or with the problem of the ethnogeny of Iranian peoples in the territory of Iran.